РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 11/84
Ноябрь

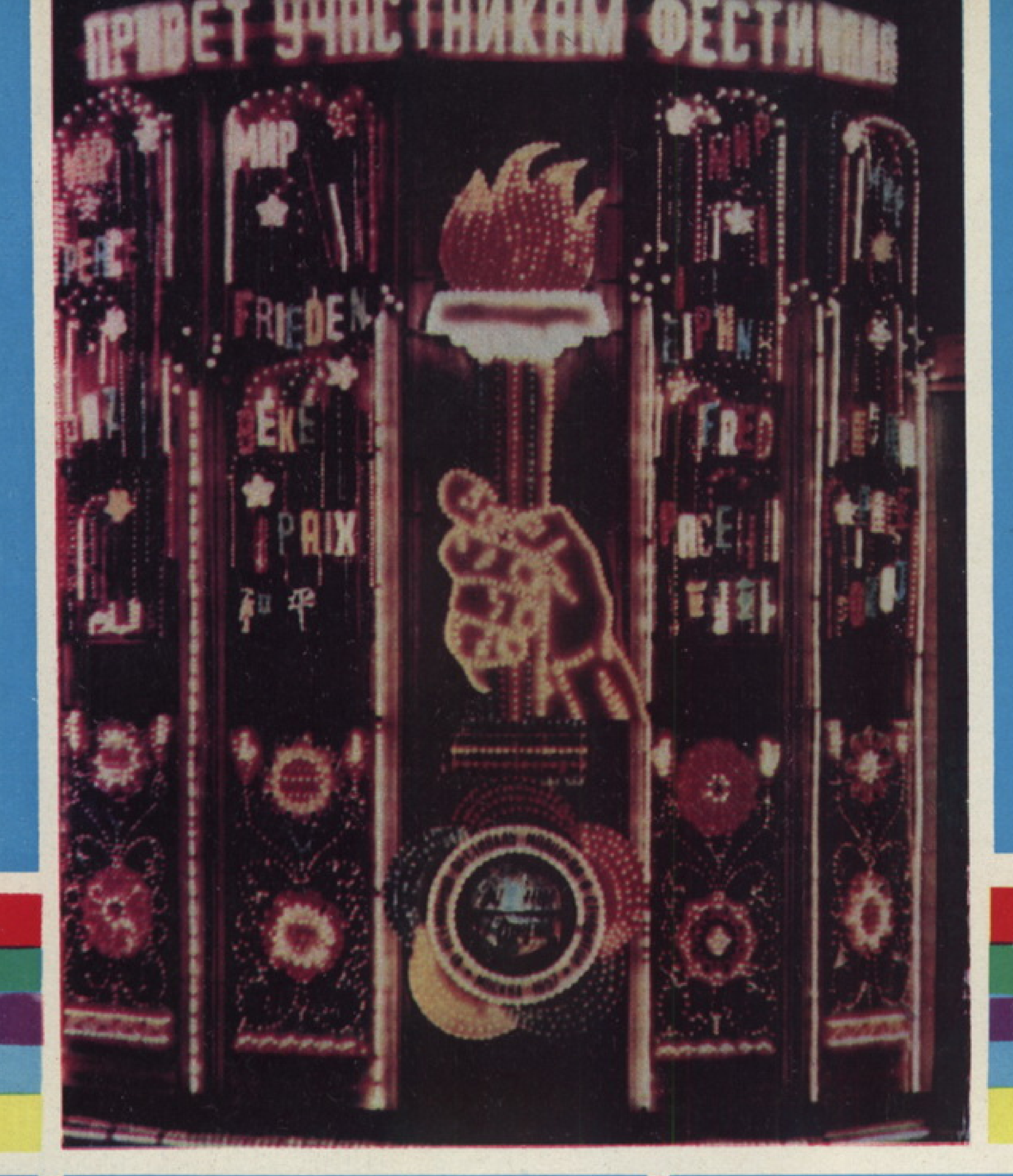
В НОМЕРЕ:

ISSN 0131—5994

Интернационализм — понятие, воплощенное в жизнь Великим Октябрем, 67-ю годовщину которого отмечает все прогрессивное человечество. Многообразны его проявления — это и братская дружба с народами социалистических стран, и пролетарская солидарность с борьбой трудящихся в мире капитала, и поддержка народов, борющихся за свою национальную независимость, и бескорыстная помощь государствам, выбравшим социалистический путь развития. Интернационализм пронизывает всю общественную жизнь советских людей, одна из форм его — клубы интернациональной дружбы. На снимке вы видите заседание такого студенческого клуба Новосибирского государственного университета имени Ленинского комсомола.

Фото А. СЕНЦОВА (Фотохроника ТАСС)

МОСКВА. 1957

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве с 28 июля по 11 августа 1957 года. 34 тысячи юношей и девушек представляли 131 страну. Лозунг фестиваля: «За мир и дружбу!»

«Мир и счастливое будущее можно построить, если народы и молодежь будут всегда жить в дружбе, как это было на нашем фестивале. В дружбе народов и молодежи — залог мира. Будем всегда и повсюду крепить нашу дружбу, чтобы совместными усилиями построить на Земле мир радости и счастья!»

Из Заявления участников
VI Всемирного фестиваля
молодежи и студентов

ШАГИ

ХРОНИКА МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● В одном из номеров «Комсомольской правды» было опубликовано письмо Жюльенны Каро из французского городка Ла-Мурьер-Пьен. В нем говорилось о том, что в годы войны семья Каро подружилась с советским военнопленным Михаилом Полыскаловым, который, бежав из фашистского концлагеря, сражался во французском Сопротивлении против гитлеровцев.

Жюльенна Каро просила опубликовать ее письмо в советской печати. Она надеялась, что Михаил Полыскалов, о котором ее семья не имеет известий со дня его ухода в партизанский отряд, отзовется и, может быть, ее дочь Симона Каро, делегат VI Всемирного фестиваля, встретится с ним в Москве. И встреча действительно состоялась.

● Молодые писатели и студенты-филологи — участники VI Всемирного — собрались на семинар, где обсуждались вопросы развития современной литературы. Перед юными литераторами выступили известные писатели — Мигель Астуриас (Гватемала), Назым Хикмет (Турция), Жоржи Амаду (Бразилия), Константин Федин (СССР)...

● Среди победителей музыкального конкурса VI Всемирного были Андрей Эшпай, Константин Орбелян (СССР), греческий композитор Микис Теодоракис.

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ МИРА

Иоганнес БЕХЕР, поэт (ГДР): «Значение... фестиваля состоит, на мой взгляд, прежде всего в том, что он отражает мощное всеобъемлющее стремление народов всей Земли к миру. Стремление к миру — это основная творческая идея всех по-настоящему значительных произведений искусства».

Шон О'КЕЙСИ, драматург (Ирландия): «Мой сын с волнением ожидал этой великой встречи в Москве. Но тяжелая болезнь — белокровие — отняла у него жизнь. А ему не было и двадцати двух лет! Мой сын воспринимал жизнь с ненасытным интересом. Он был загружен занятиями и обещал стать в будущем хорошим биологом.

Его старый отец посылает свои лучшие пожелания и благословение фестивалю и всей молодежи, которая соберется вместе в Москве. Я хотел бы, чтобы и мой мальчик стоял под развевающимися флагами фестиваля, чтобы он видел, как молодежь выражает уверенность в том, что жизнь превратится в радость. Она объединяет все народы земного шара».

Жоржи АМАДУ, писатель (Бразилия): «Это прекрасный праздник. Все необыкновенно красиво и величественно, с большим художественным вкусом. Здесь, на стадионе, рядом со мной сидит группа бразильцев, которые впервые приехали в Советский Союз. Они совершенно потрясены тем, что увидели в Москве, и особенно тем приемом, который оказал им советский народ. Я уже не первый раз в Москве и поэтому подготовился к тому, что зрелище будет величественным. Я уверен, что весь фестиваль будет таким же радостным и прекрасным, как и его первый день».

Радж КАПУР, артист и кинорежиссер (Индия): «И вот я снова в Москве, снова вижу улыбки моих московских друзей, узнаю и не узнаю прекрасный город VI Всемирного фестиваля. Не узнаю — потому что сегодня город в новом праздничном наряде, потому что на его улицах рядом с московскими юношами и девушками я вижу молодых посланцев всех стран мира.

Я буду принимать участие в работе жюри Международного кинофестиваля. Я надеюсь, что мои коллеги по искусству не только будут обсуждать вопрос о том, кому отдать пальму первенства. Мы хотим пожать сотни дружеских рук всех цветов кожи, мы хотим увезти из Москвы самые теплые, самые лучшие воспоминания о том, что молодость и дружба объединяют сердца юношей и девушек всех стран мира».

ДОРОГИ В МОСКВУ

Для того чтобы помочь делегациям развивающихся стран приехать в Москву, незадолго до VI Всемирного была проведена международная неделя сбора средств в фонд фестиваля, в которой приняли участие видные прогрессивные деятели мира. Например, Пабло Пикассо создал рисунок для фестивального платка, а молодые коммунисты Франции организовали продажу платков с этим рисунком, и вырученные средства пошли в фонд фестиваля. Молодежь ГДР на субботниках заработала деньги для поездки в Москву делегации Судана, а молодежь Швейцарии — для делегатов Нигерии и Гваделупы. Швейцарцы для этого сделали сами значки, раскрасили платки и продавали их на улицах и дорогах. Юноши и девушки Чехословакии внесли в фонд фестиваля более 1 миллиона крон. Собранные во всем мире средства позволили посланцам молодежных союзов стран Азии, Африки и Латинской Америки приехать на VI Всемирный.

ХРОНИКА МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● В дни фестиваля состоялось около 500 встреч различных делегаций, например, молодых депутатов парламентов, представителей молодежи стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, Арабского Востока, бассейна Балтийского моря, сельской молодежи, а также вечер солидарности с молодежью колониальных стран, Праздник труда, День девушек.

● 31 видный общественный деятель из тех, что активно выступают в защиту мира, пришел в гости к молодежи в Международный клуб встреч. Участники фестиваля горячо приветствовали вице-президента Всемирного Совета Мира В. Эндикотта (Канада), писателей Н. Тихонова, И. Эренбурга, Назыма Хикмета и других. На встрече было принято Обращение к юношам и девушкам пяти континентов.

● Во время фестиваля состоялась международная встреча молодых юристов на тему о правах человека.

МОСКВА. 1985

МОСКВА. В Госбанке СССР открыт счет № 700140 в фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. На него поступают взносы от комсомольских организаций страны.

КАБУЛ. Фарид Маздак, первый секретарь Демократической организации молодежи Афганистана, выступая на митинге в столице, заявил: «Как и советская молодежь, афганские юноши и девушки приняли активное участие в празднике труда, приуроченном к XII Всемирному. Так мы называем субботник. Заработанные средства перечислены в фонд фестиваля. Я уверен, что в солидарности и единстве — сила растущего молодежного движения, главный смысл фестиваля!»

ФЕСТИВАЛЯ

ХРОНИКА МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● Хисако Нагато, японская девушка, пережившая ужас атомного кошмара в Нагасаки, рассказывала участникам фестиваля: «Никогда не смогу забыть тот день, когда в один миг были убиты десятки тысяч человек и бесчисленное множество ранено. Никогда не смогу забыть людей, молящих: «Воды, воды!» Они не могли пошевелиться от страшных ожогов. Передо мной все еще стоит лицо матери, которая искала своего ребенка среди бушующего пламени, тысячи обугленных до неузнаваемости людей.

По счастливой случайности некоторые остались живы. Но и сейчас мы не можем чувствовать себя спасенными: ведь количество белых кровяных шариков у нас в крови непрерывно увеличивается. А сколько людей в Японии до сих пор тяжело страдают от рубцов после ожогов. Сколько людей вот уже 12 лет прикованы к постели — их кости были поражены атомной радиацией».

● Свыше 500 тысяч человек участвовали 6 августа 1957 года, в день годовщины атомной бомбардировки Хиросимы, в манифестации за мир и дружбу на Манежной площади. Лозунг манифестации: «Нет!» — говорим мы атомной бомбе».

КАРАКАС. В Венесуэле создан Национальный комитет по подготовке к XII Всемирному фестивалю в Москве, в который вошли члены парламента, представители молодежных, политических, профсоюзных и других общественных организаций страны.

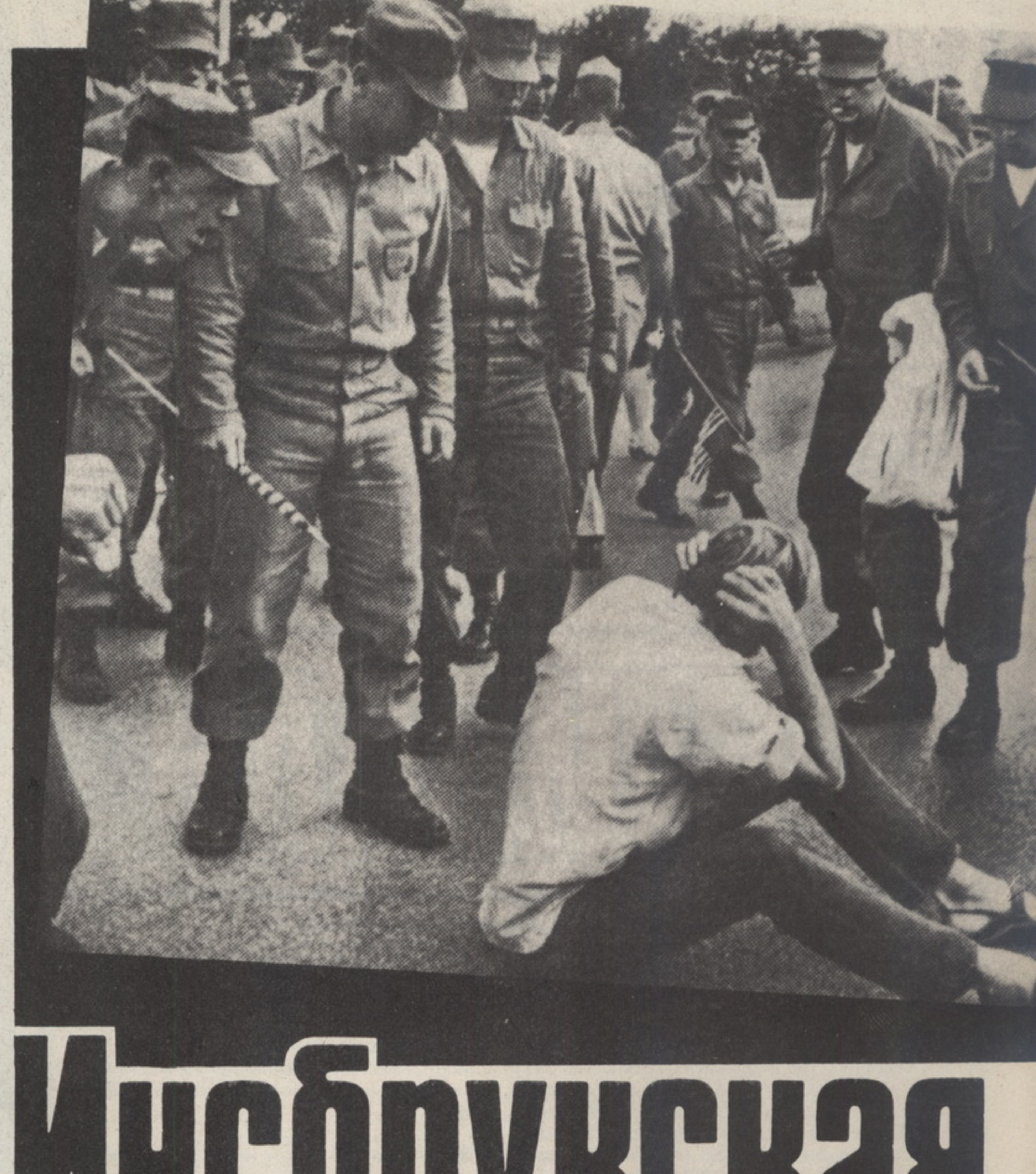
ЛИССАБОН. С призывом принять активное участие в XII Всемирном фестивале в Москве обратился к юношам и девушкам Португалии созданный здесь Национальный комитет по подготовке к этому важному форуму молодого поколения планеты.

ХЕЛЬСИНКИ. В Финляндии подготовкой к XII Всемирному фестивалю занимается Национальный подготовительный комитет, в котором представлены 63 организации. НПКФ принял план работы на 1984—1985 годы. С начала 1985 года отправится в путь фестивальная эстафета, которая пройдет по всей стране с севера на юг по четырем маршрутам.

В 1951 году из Великобритании в Берлин на Всемирный фестиваль молодежи и студентов отправилось свыше 1500 человек. Английский Комитет по участию в фестивале издал эту брошюру для того, чтобы рассказать, с какими трудностями пришлось столкнуться группе молодых людей на пути в Берлин. Наш народ должен знать, что делалось от его имени в Инсбруке и Саалфелдене, чтобы помешать молодым гражданам Великобритании свободно доехать до Берлина.

Только те, кто стремится сеять ненависть и недоверие между молодежью разных стран, могут бояться такого фестиваля, как Берлинский. За отрицанием права беспрепятственно поехать в Берлин кроется нечто гораздо более важное — посягательство на право молодых англичан укреплять дружбу с молодежью других стран.

Английский Комитет по участию в Всемирном фестивале молодежи и студентов

Инсбрукская

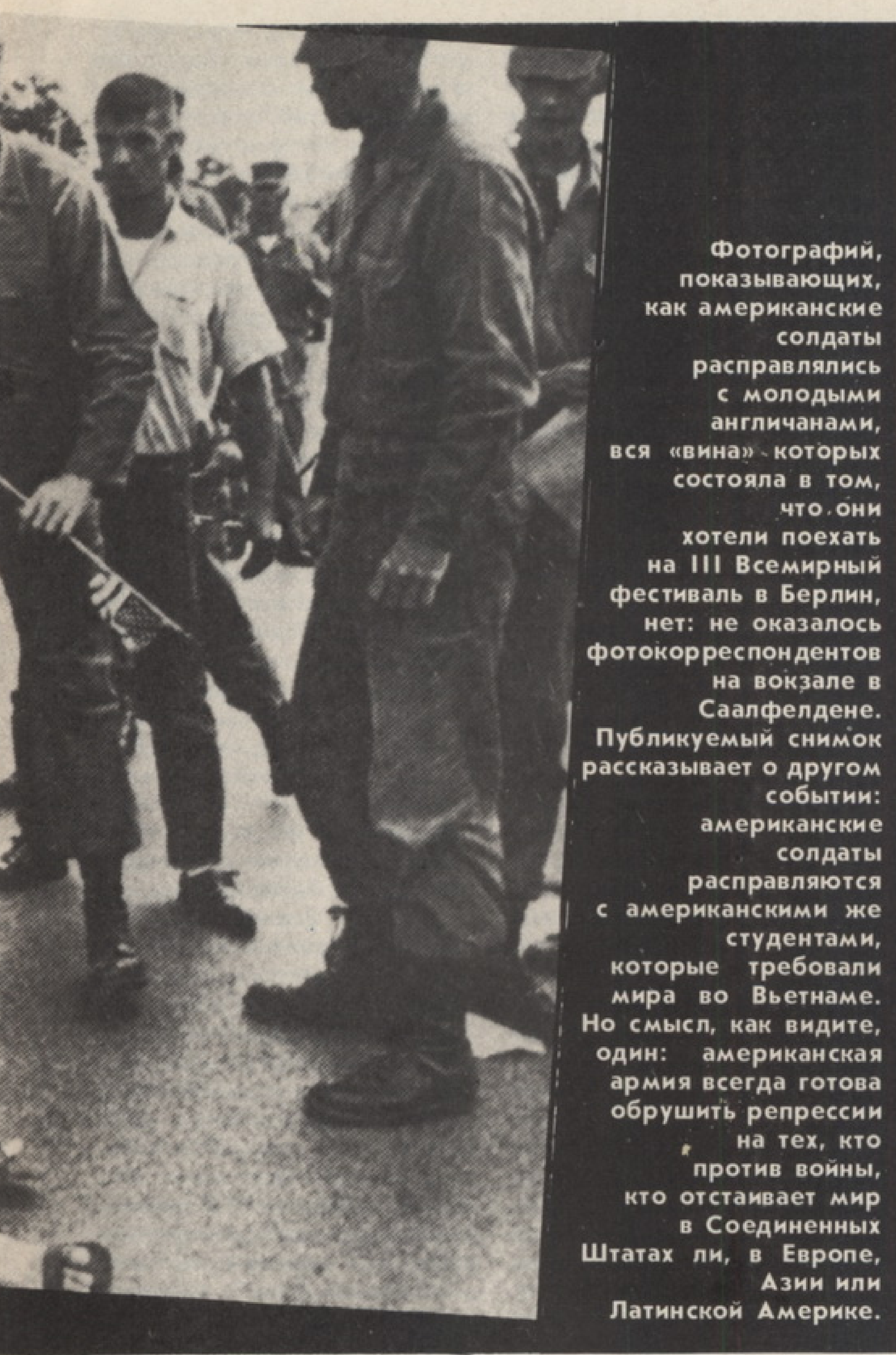
Первые трудности, изобретенные министерствами иностранных дел разных стран Западной Европы, возникли еще в Лондоне. Нам запретили ехать в Берлин прямым путем, и пришлось добираться через Францию, Швейцарию и Австрию. У нас были билеты до Линца, города, находившегося в американской зоне Австрии[1], а там нас ждали билеты в Прагу и оттуда — в Берлин.

Французские пограничные власти проверили паспорта всех членов группы и тринадцати запретили въезд во Францию. Без всяких объяснений. Стало ясно, что антифестивальный «заговор» правительств начал срабатывать, но это не остановило нас. Мы выехали из Парижа вместе с несколькими сотнями молодых французов, тоже направлявшихся в Линц. На вокзале звучала «Марсельеза».

Швейцарию и французскую зону Австрии мы проехали благополучно. Наш поезд остановился в Саалфелдене, в американской зоне. Тут мы впервые столкнулись с американскими военными властями. Американский офицер захотел взглянуть на наши билеты, и мы показали ему общий билет до Линца. Потом он спросил, что мы собираемся делать в Линце. Мы объяснили, что оттуда поедем в Берлин и что все необходимые документы у нас есть. Рассказ продолжает руководитель нашей группы Чарльз Рингроуз: «В этот момент появился еще один, старший по званию офицер. Когда ему сказали, в чем дело, он спросил: «Есть у них «серые карточки»?» И младший офицер ответил: «Нет, сэр». До этого никто не спрашивал у нас никаких «серых карточек». Оба офицера, разговаривая, отошли в сторону, затем младший офицер приказал австрийским железнодорожникам отцепить вагоны, в которых мы ехали. Мне сказали, что нас должны отправить обратно в Инсбрук, во французскую зону. Я попросил разрешения позвонить в ближайшее английское консульство, мне отказали. Офицер сказал, что без «серых карточек» никому из членов группы нельзя покинуть вагоны, а тот, кто выйдет, немедленно будет арестован.

После двух с половиной часов сначала просьб, а потом

[1] *После разгрома фашистской Германии Австрия была разделена на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, английскую и французскую.— Примеч. ред.*

Фотографий, показывающих, как американские солдаты расправлялись с молодыми англичанами, вся «вина» которых состояла в том, что они хотели поехать на III Всемирный фестиваль в Берлин, нет: не оказалось фотокорреспондентов на вокзале в Саалфелдене. Публикуемый снимок рассказывает о другом событии: американские солдаты расправляются с американскими же студентами, которые требовали мира во Вьетнаме. Но смысл, как видите, один: американская армия всегда готова обрушить репрессии на тех, кто против войны, кто отстаивает мир в Соединенных Штатах ли, в Европе, Азии или Латинской Америке.

К ВСЕМИРНОМУ ДНЮ МОЛОДЕЖИ И МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ СТУДЕНТОВ

история

требований мне все же разрешили позвонить консулу Великобритании в Инсбруке. Я объяснил ему всю ситуацию. Консул сказал, что с английскими паспортами мы имеем право свободного проезда через американскую зону. По моей просьбе он повторил это американскому полковнику. В моем присутствии полковник ответил, что высшим начальством ему дано указание помешать нашей группе продолжать путь. Мне полковник сказал, что обо всех его действиях прекрасно известно английским властям».

Нас заперли в вагонах, лишив доступа к воде и станционным туалетам. После долгого ожидания прицепили паровоз, и мы вернулись в Инсбрук.

Чарльз Рингроуз продолжает: «Приехав в Инсбрук, я вместе с тремя другими членами нашей группы пошел к консулу. Выслушав наш отчет о случившемся, он начал звонить английским властям в Вене, чтобы достать для нас эти «серые карточки». После пятиминутного разговора он положил телефонную трубку и сообщил, что не сможет выдать нам ни одной «серой карточки» и что мы должны вернуться домой...»

В тот же вечер, собравшись вместе на плохо освещенной платформе, мы провели первое общее собрание нашей группы. Чарльз Рингроуз взобрался на вагонетку и объяснил положение, в котором мы оказались. Он предложил нам отстоять свое право пересечь Австрию. Консул же посоветовал нам возвратиться домой. «Да, мы вернемся домой, но наш путь домой лежит через Берлин!» Так решили мы отвечать на все последующие угрозы австрийских, французских и английских властей.

На следующий день вся наша группа с шотландским духовым оркестром во главе с развернутыми флагами прошагала по главным улицам Инсбрука к зданию английского консульства. Пока мы ждали консула, наши артисты прямо на улице дали концерт английских народных песен и танцев. Появившись, консул заявил, что ничем не может помочь нам и не может обеспечить нас жильем и питанием в Инсбруке. Он, однако, был готов обеспечить нам проезд во французский город Кале, хотя и не мог объяснить, с какой стати мы должны ехать туда. Если бы мы согласились, он бы распорядился, чтобы нас на вокзале покормили. Но это предложение противоречило нашему законному желанию продолжить путь в Берлин, а потому и было единодушно отвергнуто. Именно консул начал следующий «раунд» борьбы — он пригрозил, что в случае необходимости против нас будет применена сила.

Мы вернулись к своим вагонам и обнаружили, что фактически находимся под арестом. Мы были со всех сторон окружены австрийской полицией и отрезаны от остальной части станции. Мы не могли купить еду, набрать воды.

Между тем на платформе собралась толпа поющих и скандирующих лозунги молодых людей, которые приветствовали прибывших на станцию французских юношей и девушек — их было несколько сотен, и они тоже ехали на фестиваль.

Теперь нас стало почти две тысячи, и на платформе царила воистину прекрасная атмосфера. Мы пели и танцевали все вместе, по всей станции разносились «Марсельеза» и «Марш демократической молодежи». Многие пассажиры высовывались из окон поездов и желали нам удачи.

Французский консул с бо́льшим сочувствием отнесся к своим соотечественникам, и вскоре французской группе обеспечили питание и жилье в городе. Теперь мы остались на платформе одни, но французы не забыли о нас и вечером принесли кучу съестного. Горожане тоже добыли для нас немного горячего супа и кофе, и мы впервые за этот день плотно поели. Мы всегда будем помнить чувство дружбы, которое родилось у нас на этой платформе, где все мы оказались товарищами по несчастью.

Несмотря на трудности, мы не теряли бодрости духа, и на импровизированной сцене открылся «молодежный фестиваль в Инсбруке» — мы пели, танцевали, читали юмористические стихи, пытаясь при этом обыграть ситуацию, в которой оказались.

То, что мы все-таки уехали из Инсбрука в Берлин, стало возможным только благодаря бескорыстным усилиям молодых австрийских рабочих, которые приняли на свои плечи ответственность за наше благополучие. Говорит Чарльз Рингроуз: «Я, руководитель французской делегации и представитель австрийских рабочих обсудили создавшееся положение. Было решено, что мы получим официальное приглашение из

Линца посетить город в качестве гостей. И английская и французская группы с благодарностью приняли этот прекрасный жест дружбы и солидарности и решили ехать в Линц 5 августа обычными туристскими поездами».

Мы знали, что обычные пассажиры свободно проезжают через американскую зону без «серых карточек». Двое из нашей группы спокойно проехали Саалфелден просто потому, что сидели не в наших вагонах, а там, где ехали австрийцы. «Серая карточка» была всего лишь предлогом, чтобы остановить нас. В сущности, он был равен политическому запрету, распространявшемуся на всех, кто направлялся на фестиваль.

На границе между зонами висел плакат: «Вы въезжаете в американскую зону. Добро пожаловать!» Нас встретили вооруженные американские солдаты. Они вышвыривали из вагонов всех, кто, как им казалось, ехал на фестиваль. Днем и вечером 5 августа на пяти разных поездах в американскую зону прибыло множество англичан и французов. Всем, кто был молод, имел паспорт и билет до Линца, солдаты приказывали покинуть поезд. Применение грубой силы стало тут нормой.

Студент из Лондона Т. Макдермот рассказывает: «Наша группа из 50 человек, в основном студенты, приехала в Саалфелден в шесть часов вечера. В поезде было полно австрийцев. С двух сторон его окружили американские солдаты с ружьями и примкнутыми штыками. Несколько солдат с офицером вошли в вагон. Всем, у кого были английские паспорта и коллективные билеты, они приказали выйти из вагонов. Когда мы отказались, нас стали выталкивать силой. Это вызвало негодование у австрийцев в поезде и на платформе. Оно усилилось, когда вместе с нами выгнали и австрийца. Тогда всех австрийцев впихнули в отдельные купе, и «операция» продолжалась».

Говорит Петерсон Бекер, студент из Глазго: «Трое солдат схватили меня, скрутили за спиной руки и выбросили на рельсы. Так же поступили с тремя девушками. Вслед нам выкинули наши вещи. Я пытался объяснить остальным пассажирам, что происходит. Снова и снова я просил их показать мне «серую карточку» — ни у кого ее не было. Американский офицер велел мне заткнуться, потом расстегнул кобуру и пригрозил, что «пустит револьвер в ход». То же было сказано французу, который всего лишь хотел набрать в бутылку воды».

Еще один рассказ об этих событиях видного композитора Алана Буша, профессора Королевской музыкальной академии в Лондоне. Он ехал на фестиваль в качестве руководителя Музыкальной ассоциации рабочих: «В Саалфелдене поезд окружило множество вооруженных американских солдат, шестеро поднялись в вагон. Взглянув на мой паспорт и билет, проверявший разрешил мне и двум другим членам ассоциации следовать дальше. Моя дочь Ракель, девятнадцатилетняя студентка, находилась в соседнем купе. Вскоре я услышал ее крики — трое солдат тащили Ракель по коридору. Я начал протестовать против их позорного поведения — меня тотчас схватили и тоже выкинули из поезда. Нас окружила вооруженная охрана. Потом нас прогнали вдоль путей к стоявшему отдельно вагону. Солдаты демонстративно перезарядили винтовки.

Среди тридцати четырех человек, оказавшихся в этом вагоне, трое не имели никакого отношения к нашей делегации. С другой стороны, оказалось, что девятнадцать человек из нашей группы остались в поезде. Все это явно говорит о том, что американские власти отнюдь не были озабочены отсутствием у нас «серых карточек»: мне и моим спутникам сначала разрешили ехать дальше, девятнадцать человек, не имевших «серых карточек», смогли продолжить свой путь. Очевидно, что единственной целью американских властей было выгнать из поезда пассажиров, которые, по их предположению, ехали на Всемирный фестиваль молодежи».

Приведем еще свидетельство двух учителей. Их группа из двенадцати школьников была высажена с поезда, хотя они всего лишь ехали в Зальцбург: «Нам ничего не объяснили, а наше единственное преступление заключалось, видимо, в том, что все мы были молоды и путешествовали группой. Мы не собирались ехать на фестиваль, были обычными туристами и хотели попасть в Зальцбург, что и пытались безуспешно объяснить американцам».

Станция все больше напоминала поле боя. Мы провели ночь в окружении солдат со штыками наголо, без пищи, воды, крыши над головой. Вот рассказ группы французов, которые неудачно пытались ускользнуть от американской стражи: «Нас втолкнули в некое подобие загона за колючей проволокой, окруженного вооруженными солдатами. На нас были направлены два автомата и противотанковое ружье! Загон был открыт всем ветрам, и двести французов провели ночь на голой земле, без воды. Мы попытались разжечь костер из всяких деревяшек, валявшихся вокруг, но наши стражи пригрозили, что направят на нас шланги с холодной водой».

В соответствии с международной конвенцией даже военнопленные имеют право на еду, воду и соблюдение элементарных санитарных норм. Во всем этом было отказано тем, кто добирался до Берлина. На каждом шагу они сталкивались с унижениями и жестокостью.

Семнадцатилетняя студентка из Бристоля Джун Уотсон была сбита поездом и получила серьезные повреждения. Доктор Хьюз из другой группы, тоже загнанной на железнодорожные пути, узнав о случившемся, попросил разрешения осмотреть девушку. Ему не только отказали, но еще и взяли под «персональную» стражу, так как он снова и снова пытался пробиться к пострадавшей.

Доктор Хьюз рассказал об этом инциденте: «После того как американские солдаты силой заставили нас покинуть поезд, мы находились под направленными на нас штыками между основными железнодорожными путями этой оживленной станции. Мы едва успевали отскакивать в сторону, когда мимо проносились поезда. Около полуночи девушка из другой группы ударилась головой о проходивший поезд. Двое солдат пронесли ее без сознания в нескольких метрах от меня. Я сразу же попытался подойти к ней, объясняя солдатам, что я врач. Штык уперся мне в грудь. В конце концов я прорвался через охранников и побежал к платформе, куда отнесли девушку. Здесь я снова объяснил все офицеру, но он запретил мне осмотреть ее. Он также сказал, что я должен быть «наказан» за вмешательство и что я буду всю ночь стоять один под охраной вооруженного солдата. Мне пришлось подчиниться. Утром нас загнали в поезд. Я много раз просил американских военных медиков дать нам воды, но в ответ получал отказ. Всю ночь и следующий день мы ничего не знали о состоянии Джун Уотсон, мне даже сказали, что она умерла. Только когда мы вернулись во французскую зону, через пятнадцать часов после несчастья, мне позволили осмотреть девушку. Она была в сознании, но находилась в состоянии шока и была крайне испугана. В Инсбруке мы отвезли ее к нашим австрийским друзьям. Все время, пока мы отсутствовали, они заботились о ней».

Подобное жестокое обращение испытали и члены другой группы, которая пыталась объехать Саалфелден по шоссе. Студентка из Лондона Колин Свит так описывает происшедшее: «Сорок или пятьдесят американских солдат окружили нас, тыча штыками в тех, кто стоял впереди. Они страшно кричали и ругались, потому что мы не хотели садиться в грузовики, стоявшие неподалеку. Я заговорила с офицером, заявив, что мы имеем полное право продолжить свой путь, что если кто-нибудь из нас пострадает, то он будет отвечать. Наконец я попросила дать нам возможность увидеть его командира. В ответ он ударил меня прикладом по голове. Я упала. В армейском амбулаторном пункте мне наложили на лоб восемь швов. Все время, пока я там была, меня охраняли, словно преступницу. Никто не извинился передо мной, никто не проявил ни малейшего сочувствия».

Незадолго до рассвета американские власти начали готовиться к тому, чтобы насильно посадить нас в поезд и вывезти из Саалфелдена в Инсбрук. Рассказывает Джон Тейлор:

«На следующее утро в 6. 30 мы все еще стояли на платформе, а потом началась настоящая военная операция против безоружных людей. «Бегом марш!» — слышали мы, и солдаты бежали. Толстый офицер выкрикивал команды, поблескивали шты-

ки, щелкали затворы винтовок...

Мы взялись за руки. Девушки и ребята, некоторым было всего лишь четырнадцать лет, держались прекрасно. Оказавшись лицом к лицу с этими вооруженными головорезами, ни одна из наших девочек не заплакала, не вскрикнула и не согласилась войти в поезд.

Вдруг из-за вагонов появились «штурмовики», они казались ниже ростом, чем остальные солдаты, штыки их автоматических винтовок тоже были чуть короче обычных. Они шли плотными рядами, чуть пригнувшись, и в эти короткие мгновения до того, как они бросились на нас, я понял, что перед нами новый фашизм — открытый и яростный.

Офицер предложил высказаться представителю нашей группы, а потом закричал: «Хватайте его!» Три «штурмовика» кинулись к нему, ломая наши ряды. В конце концов они штыками загнали нас в поезд. Мы решили не оказывать сопротивления. Уверен, что в противном случае началась бы настоящая резня — эти парни явно были хорошо обучены искусству убивать».

В Инсбруке в прохладном офисе консул выслушивал свидетельства своих соотечественников и постепенно начал осознавать, что произошло в Саалфелдене. Он, несомненно, был взволнован, но не показывал вида. Он считал, что требование «серой карточки» — дискриминационная мера. Но когда мы спросили его, почему же в таком случае он, в сущности, содействовал беззаконию, консул признался, что действовал согласно указанию свыше.

В Инсбруке нас разместили в школьном здании. Мы могли восстановить свои силы и написать письма домой, чтобы успокоить родных. Цитируем здесь письмо пятнадцатилетней Джил Марш: «Дорогие мама и папа, надеюсь, что дома все в порядке. Здесь идет дождь. Мы живы и здоровы. Сейчас мы находимся в школе, девочки спят на матах в гимнастическом зале. То, что мы испытали за эти дни, вероятно, отдаленно напоминает пережитое во время войны многими тысячами людей. Уверяю вас, что не очень приятно чувствовать штык, направленный в грудь, или же прижиматься к земле, отпрыгнув от идущего на большой скорости поезда, и слушать, как по обе стороны тоже проносятся поезда.

Но, несмотря ни на что, я ни за какие блага не отказалась бы от всего пережитого. Я приобрела огромный опыт. Я хорошо узнала людей, вместе с которыми провела эти дни. Как бы плохо нам ни было, все мы были бодры и почти все время пели. Я никого не боялась (не думаю, что кто-нибудь боялся). Хотя откровенная жестокость американских солдат напугает кого угодно. Ударить женщину, упавшую в обморок, не кажется мне смелым поступком, но они сделали это, я видела собственными глазами...

В газетах пишется много неправды о нас и о том, что с нами случилось. Пожалуйста, вырежьте и сохраните, я хотела бы прочесть все эти статьи... С любовью, Джил».

История нашего пути на фестиваль привлекла внимание всего прогрессивного мира, мы получили свыше ста телеграмм и множество писем: от Австралийского профсоюза моряков пришло требование освободить нас — иначе, заявили члены профсоюза, они отказываются обслуживать американские корабли, находящиеся в австралийских гаванях. Шли телеграммы от многих организаций и отдельных граждан Великобритании, в которых, как и в письмах наших родственников, выражалась уверенность в нашей решимости добраться до Берлина. Наш моральный дух окреп, когда мы осознали истинное значение нашей поездки на фестиваль в Берлин. В каждой из стран Европы, которые мы проезжали, нас поддерживали такие же люди, как мы, готовые защитить наши общие свободы, за которые мы так тяжело боролись в прошлом.

В тот день, когда были урезаны наши пайки, из Вены приехала профсоюзная делегация и привезла нам приветствия рабочих и деньги, собранные на заводах. На эти деньги вместе с теми деньгами, которые собрали члены нашей группы, охотно отдавшие на общее дело все, что имели, мы собирались купить билеты до следующей станции на пути в Берлин. К 12 августа наши австрийские друзья совершили настоящий подвиг — последний гражданин Великобритании уехал из Инсбрука. Две тысячи делегатов фестиваля продолжили путь в Берлин.

Американские власти сделали все, чтобы помешать нам. Воинские части блокировали все дороги, ведущие в Вену. Когда мы все-таки добрались до английской зоны, здешние власти тоже попытались остановить нас. По примеру американских военных английские тоже устроили баррикады на основных дорогах. Все же в конце концов были найдены пути, по которым большинство из нас проследовало в советскую зону. Остальные приехали туда по малоиспользуемой железнодорожной ветке.

Два автобуса были остановлены австрийской полицией, которая вызвала английских солдат, чтобы вернуть назад делегатов фестиваля. Многие местные жители, не боясь солдат, предлагали свою помощь. Один восьмидесятилетний старик предложил перевести их через демаркационную линию между зонами только ему известным путем, объяснив: «Те, кто выступает за мир,— мои друзья». На следующий день этой группе удалось уехать из Вены ночным поездом в Берлин.

Все мы глубоко благодарны австрийцам — и молодым и старым, которые помогали нам.

После восьми, девяти или десяти дней путешествия все члены нашей группы добрались наконец до советской зоны. Одна из девушек так описала свою первую встречу с советскими солдатами:

«Около трех часов ночи мы прибыли к советскому посту на границе между зонами. Советский офицер поспешил нам навстречу и пожал всем руки. Подошли солдаты, принесшие для нас чай и хлеб и подарившие на память значки. Когда рассвело и мы немного поспали, мы играли с русскими в волейбол. Большинство из нас не были коммунистами. Многие никогда прежде не видели русских солдат и знали о них только то, что прочли в английских газетах. Мы сравнивали их отношение к нам с тем, как встретили нас американцы, и делали выводы, которые не забудем до конца жизни».

А ведь американские оккупационные власти объясняли свою жестокость к нам необходимостью «защитить» нас от неприятностей в советской зоне. Один студент, консерватор по убеждению, сознался: «Я никогда бы не поверил, что буду въезжать в советскую зону с таким чувством облегчения и освобождения».

Не только у нас дорога в Берлин оказалась такой трудной — несколько сот западногерманских юношей и девушек были ранены, пытаясь приехать на фестиваль. Некоторых мы посещали в больнице. Других уже никогда не увидим — трое были убиты полицейскими пулями.

Мы успели многое сделать за четыре-пять фестивальных дней. Встретились с юношами и девушками многих стран, увидели их культурные программы, показали нашу.

Кроме того, мы получили возможность увидеть то, что так старались помешать нам увидеть американские и английские власти. Они хотели запретить нам увидеть жизнь в ГДР и сравнить ее с тем, что мы слышим по английскому радио, читаем в английских газетах. Среди людей, встреченных на фестивале, мы ни разу не столкнулись с милитаристскими настроениями. Мы увидели, что жители ГДР полны желанием восстановить свою страну после страшных разрушений войны, повысить уровень жизни. Из Советского Союза приехали те самые молодые люди, от которых хотели «защитить» нас американцы. Нам не нужна была такая «защита», потому что эти люди были нашими единомышленниками в стремлении к миру и дружбе.

Когда мы возвращались из Берлина, поезд остановился в Саалфелдене, на станции не видно было ни одного американского солдата. Третий Всемирный фестиваль молодежи и студентов закончился — закончилась и «проверка документов» американскими солдатами.

Эта история завершается, как и началась, здесь, в Великобритании, но конец ее еще не написан. Совершенно ясно, что если наше правительство не изменит своей позиции, то вероятность угрозы праву на жизнь граждан Великобритании многократно возрастет.

Сокращенный перевод с английского С. СУХОЙ

Смотрите:

К 60-летию провозглашения Монгольской Народной Республики

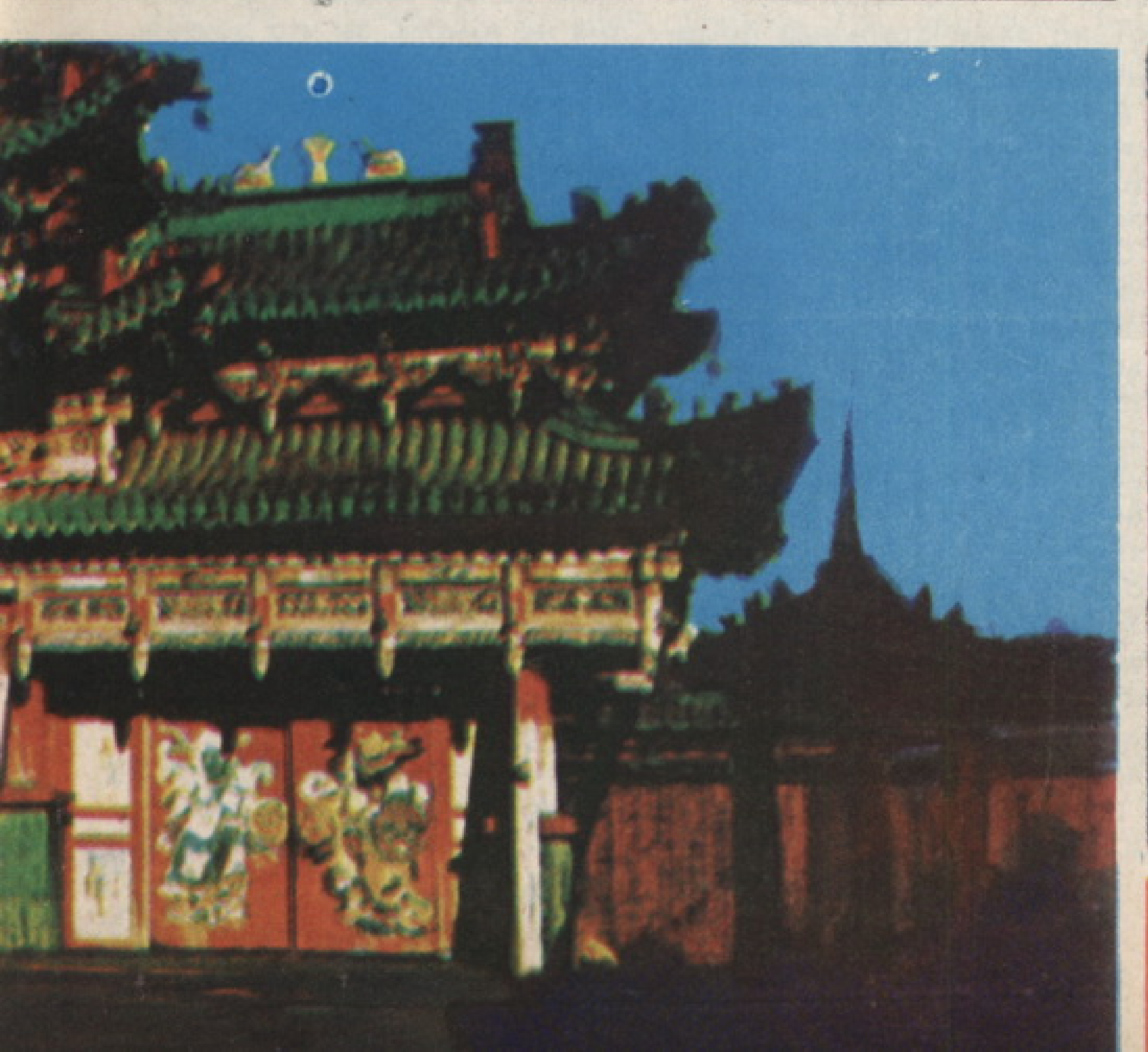
Перед вами лицо сегодняшней Монголии — страны с удивительной и славной судьбой. Одна из самых отсталых когда-то стран мира сумела перешагнуть целую историческую эпоху, мучительную и трудную для других государств,— капитализм — и вступить на путь социалистического развития.

Вот уже шесть десятилетий идет МНР по пути социалистических преобразований, которые стали возможны благодаря самоотверженному труду народа и молодежи, бескорыстной помощи СССР и других социалистических стран.

Монгольский народ, ставший хозяином своей страны, живет свободно, верит в свой завтрашний день, имеет верных и надежных друзей.

СОКОЛ

Ричард ЛАУТЕРБАХ,
американский журналист

Парад Победы. Наша страна принимала рапорт от своей армии и чествовала ее.

Я смотрел на клокочущую Красную площадь, на плотную стену москвичей и думал: не забудет ли мир, человечество, чего стоила ему эта победа над гитлеризмом? Сделает ли человечество нашей планеты свой вывод из этой страшной — и для нас и для тех, кто ее затеял,— войны? Не забудут ли люди, сколько за эти годы было пролито крови, сколько могил рассеяно по земле от Волги до Шпрее и на полях боев во многих странах Европы?

Не забудут!.. Не должны забыть!

А. И. Покрышкин
«Небо войны»

В Москве, Харькове, Одессе, Ялте, Севастополе, Калинине, на Урале, в Сибири и в Средней Азии, в обезлюдевших освобожденных городах и в процветающих индустриальных центрах, на фронте и в тылу — повсюду, где бывал, я искал ответ на вопрос: почему Россия побеждает?

Оценивая русских и их общественную систему, мы, американцы, проглядели очень важный момент. К счастью, проглядел его и Гитлер. Его от нас не скрывали, и русские не пытались нас одурачить. Мы сами себя одурачили или позволили одурачить. Как бы то ни было, мы создали собственное представление о России, закрепили его в сознании и не задумывались о его соответствии действительности. Согласно этому представлению советская общественная система изображалась безликой машиной, штамповавшей одинаковых иванов, у коих много силы и немного ума.

Когда фашисты вторглись в Советский Союз, друзья и недруги единодушно предсказывали, что через несколько месяцев они завоюют всю страну. Хотя мы и предвидели, что русские будут воевать стойко, мужественно, самоотверженно и смело — хорошие солдаты и хорошие работники,— мы продолжали считать их забитыми и неотесанными. И только замечательные победы Красной Армии на фронте и достижения советской промышленности в тылу заставили нас понять: наши традиционные представления о СССР и его людях неверны. Мы не ожидали, что в кризисной ситуации русские способны проявить великую разносторонность и великую инициативу. На такое, считали мы, способны лишь американцы или англичане, а русские только и умеют, что четко и беспрекословно исполнять приказы. Мы не предполагали, что советский человек может быть личностью; если на него возложена ответственность, с честью ее несет, а если изменилась обстановка, смело и успешно решает новые проблемы. Постепенно я понял: чтобы узнать, почему Россия побеждает, необходимо избавиться от ложных представлений.

Весной 1944 года пасмурным днем я стоял рядом с молодым советским генералом, глядя на руины Севастополя. Над доками вдоль Черного моря все еще курился дым.

— Знаете,— сказал он,— в первую мировую я был мальчишкой. Меня призвали в самом конце войны. Мы понятия не имели, за что воюем. Мы были стадом на бойне. Если убивали старшего офицера, мы тотчас спасались бегством. Мы не хотели умирать. Мы не понимали, чего ради мы должны умирать. А советский солдат и матрос понимает, что делает. Он знает, за что воюет. И если должен погибнуть, знает, ради чего. Понимаете разницу? Понимаете, почему так долго стоял Севастополь?

В том, что Россия побеждает, есть сильная, звучная нота надежды для всей цивилизации. В самой механизированной войне в истории русские одержали верх над нацией, по всеобщему признанию достигшей наивысшего мастерства в управлении ма-

---

Из книги «Эти русские», изданной в 1945 году в Нью-Йорке.

шинами. Я убежден, русские добились этого благодаря осознанию простой истины: людям — не машинам — принадлежит решающая роль.

Начиная с 1943 года в воздушной войне лучшим асом считают русого сибиряка со строгим лицом. Он сбил пятьдесят девять нацистских самолетов. Его имя Александр Иванович Покрышкин, он трижды Герой Советского Союза.

Двадцать первого августа 1944 года именитые жители города Новосибирска поздравляли мать Героя, гвардии полковника Александра, Саши, Покрышкина. Они спускались по тихой и узкой улочке — слишком узкой для автомобилей — к бревенчатому дому под номером 43а. Почерневшие ставни, картофельные кусты и акация. Весь день сюда приходили люди — соседи, депутаты, партийные руководители, военные — и обнимали Аксинью Степановну, невысокую седую женщину с большими руками и маленьким живым лицом. Гостей она принимала в наглаженном домашнем платье и в платке. И каждый говорил ей про третью Золотую Звезду ее Сашеньки, хотя она уже слышала новость по радио.

Пришли журналисты. Аксинья Степановна с удовольствием отвечала на их вопросы.

— Обычная семья,— сказала она.— Семья как семья. Муж мой был каменщик. Вот уже десять лет как умер. Храни его господь. Детей семеро. Шесть сыновей и дочь. Я не жалуюсь. Дети хорошие, добрые и послушные. Саша был второй. Первый — Васенька. Но однажды была скарлатина. Всех детей выходила. Кроме Васеньки. Не судьба ему была жить.

О Саше что сказать? Вы сами знаете. Он не просто Герой. Все говорят, что он трижды Герой. Ну вот, через два года после Саши я родила Алексея. Сейчас он на Дальнем Востоке. Старший сержант. Он служит тоже хорошо. Потом родился Петя. Он тоже пошел на войну. Он первый начал воевать — встретил фашистов на границе. С тех пор от него ни одной весточки.— Трет пальцы, словно болят.— Жив ли он, моя кровиночка?

Все молчат. В ее глазах слезы. В комнату вошел подросток в форме курсанта летного училища. Он похож на Сашу.

— Мой младшенький, Валентин. И этот не живет со мной. Приехал на несколько деньков. Все говорит: «Мамочка, вот окончу училище и полечу к брату на фронт. Будем вместе бить фашистов». Все они такие, мои сыночки. Чуть вырастут и улетают от меня.

Дочь Мария замужем,— продолжала рассказывать Аксинья Степановна.— Муж ее тоже на фронте.— Кто-то попросил вернуться к разговору о Саше.

— Так вот. Родился Саша в том доме, нашем первом, на реке Каменке. Город был тогда небольшой. А наш дом стоял на отшибе. Рос как все дети. Веселый, ласковый. Мы были небогаты. Работали от зари до зари. Во всем нуждались. Те годы были трудные, сами знаете, каково было. Когда Саша чуть подрос, мы переехали на улицу Кольцова. Саша уже ходил в школу. Вдруг он стал серьезный, очень полюбил книги. У него был друг, тоже Саша. Наберут они, бывало, книг и спрячутся где-нибудь вместе. Мальчишкам их возраста тоже с улицы Кольцова это не нравилось. Они обзывали ребят «инженерами». Моего и того Сашу.

Он всегда мастерил. Всегда самолеты. Всякие-всякие. Он завалил ими весь дом. Когда он закончил школу, то пошел строить завод, а потом на нем работал. Потом поступил в летную школу. А теперь вот это.

...Мальчишка с улицы Кольцова мечтает стать летчиком. Читает об авиации все подряд. Мастерит модели самолетов. Летом пропадает на аэродроме. После школы работает на заводе сельскохозяйственных машин. Он уже решил, что станет великим летчиком, как Валерий Чкалов, его идеал. Он подает заявление в летную школу. Заявление принимают. Но, приехав учиться, Покрышкин узнает, что зачислен на курс авиатехников. Оглядываясь назад, он все же рад, что так получилось:

— Эти знания очень мне пригодились. Я изучил самолет до деталей. Но тогда я хотел летать и дважды в году подавал заявление. Меня считали неплохим механиком и отказывали.

Закончив авиатехнический, Покрышкин работает на одном из аэродромов. Шел тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Чкалов совершает полет через Северный полюс. Событие потрясло Покрышкина. Он просит трехнедельный отпуск, чтобы навестить семью.

— Но вместо того чтобы отправиться в Новосибирск, я поехал в Краснодар,— рассказывает он,— в аэроклуб, и уговорил их взять меня. Уж как я их просил! А через три недели я успешно прошел испытания. Начальник клуба сказал, что я первый, кто умудрился получить летное удостоверение всего за три недели.

Потом летная школа в Каче. Все свободное время он читает. Он видит, что у каждого большого летчика должен быть собственный стиль. «Делай я как все, я не летал бы так, как умею сейчас»,— говорил Чкалов.

— Эти слова я понял,— вспоминает Покрышкин.— Настоящий истребитель должен быть уверен в себе и обладать огромными амбициями. Только тогда его ждет победа.

В тридцать девятом году, по окончании летной школы, Покрышкина направляют в авиаполк, где ему дают разведывательный самолет — не истребитель, как он мечтал. Понимая, что стрельба его слабое место, долгие месяцы он в свободное время тренируется в стрельбе по неподвижным и движущимся мишеням.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, Покрышкин служил в Молдавии. Таким ему запомнился первый день войны:

— Большая группа германских самолетов атаковала наш аэродром. Они прибегли к хитрости: выслали вперед самолет, который должен был отвлечь на себя истребители. Одновременно к аэродрому были посланы бомбардировщики. Но мы сразу сбили фашиста и принялись за бомбардировщики. В тот день гитлеровцы потеряли десять самолетов.

Так было не всегда. Германские воздушные силы значительно превосходили советские и числом и опытом. Их пилоты уже участвовали в боях в Голландии, Бельгии, Франции.

— В первые дни войны,— говорит Покрышкин,— фашисты вели себя нагло. Германские летчики полагали,

что без труда расправятся с нами. Но очень скоро им пришлось убедиться в обратном.

Зимой сорок первого года Покрышкин летает все еще на самолете-разведчике. Лишь позже он поймет, как полезна была и эта глава в его обучении. Но даже в то время у него репутация летчика, который выполняет все боевые задания. Он летает в туман, дождь, снег, низко над землей. Он изучил все уловки врага. Исходя из его донесений, действуют советские бомбардировщики, замедляют темпы наступления врага, пробивают бреши в его снабжении.

В начале сорок второго ему дают штурмовик. Первый бой Покрышкин провел, выполняя разведзадание.

— Мне и еще одному летчику было приказано выяснить, где гитлеровцы переправляются через Днепр.— Он говорит медленно, взвешивая каждое слово.— Но в районе цели мы встретили пять «мессеров». Мной овладело желание атаковать нацистов. Но я решил не нарушать приказ. Однако германские самолеты бросились в преследование и навязали бой. Мой самолет был весь изрешечен, когда я приземлился на аэродроме. Едва дотянул. Воевать я не умел, но мне удалось сбить один самолет. Так я получил боевое крещение. Раздумывая над этим, я пришел к выводу, что германские асы не так страшны и бить их можно.

Однажды, когда он атаковал моторизованную колонну врага, в двигатель попал снаряд, самолет загорелся. Покрышкину удается посадить самолет на «брюхо» и спрятаться в лесу. Ночью он добрался до линии фронта и перешел к своим.

Пехотный капитан принял его в батальон. Корреспондент «Правды», рассказывая о Покрышкине в роли пехотинца, только и написал: «...Добрался до линии фронта и руководил боем пехотного батальона. Бой был выигран...»

Он летает низко над землей и видит лицо повешенной женщины в одной из молдавских деревень и ребенка, приколотого к ней фашистским штыком, ров у Мелитополя, доверху наполненный убитыми мирными жителями, Краснодар. Этот город он освобождал, а летом сорок третьего вернулся сюда, чтобы видеть суд над нацистскими убийцами. Он смотрел в лица «зондербандитов», «массовых экзекуторов» и вспоминал ряды виселиц в деревнях и городах Кубани.

— Ты прямо как член суда,— сказал его товарищ.

— Верно,— ответил Покрышкин.— Мы все судьи. Все мы и всегда должны это помнить.

...Той весной сорок третьего почки на деревьях казались крупнее, трава зеленее. После разгрома фашистов под Сталинградом вставала новая жизнь, полная сил и уверенности в победе. Александр получил звание капитана и был направлен в кубанское воздушное соединение. Едва его самолет выскакивал из облаков, как германские рации били тревогу: «Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин!»

На земле Покрышкин разрабатывает тактику воздушного боя. Летчик, говорит он, обязан постоянно совершенствовать свою тактику. Если он и использует старые методы и приемы, он должен применять их в комбинациях соответственно моменту. Число этих комбинаций — бесконечное множество, но все-то четыре слагаемых — высота, скорость, маневр, огонь. В практику воздушного боя Покрышкин ввел «соколиную атаку»: самолет приближается к жертве и вдруг взмывает вверх, берет резко вправо и падает вниз, нанося удар сбоку.

Как считает Покрышкин, такая тактика выводит противника из равновесия, в удивлении он не успевает защититься.

В мае сорок третьего, имея на счету двадцать сбитых нацистских самолетов, Покрышкин становится Героем Советского Союза. Первая поездка в Москву. Ночь в гостинице «Москва», а утром — Кремль. Он стоит в зале и ждет, пока награждают других Героев. На его кителе — орден Ленина и три ордена Красной Звезды. Называют его имя, он выходит. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин жмет ему руку, целует его и желает удачи.

На следующий день в главном штабе Военно-Воздушных Сил маршал Новиков вручил молодому сибиряку (ему недавно исполнилось тридцать) еще одну награду — медаль США за особые заслуги — и передал поздравления от президента Рузвельта. Вечером он побывал в театре на «Прекрасной Елене» Оффенбаха и утром вылетел в полк.

Вскоре из Новосибирска пришло письмо: в тот вечер, когда он был в Москве, маму и брата Виктора как почетных гостей пригласили в новосибирский театр. Перед началом спектакля мэр города произнес речь. Завод, на котором работал Покрышкин, обязался в честь «своего Героя» увеличить выпуск продукции. «А потом,— писалось в письме,— все стали кричать, чтобы выступила твоя мама. Наверное, она никогда не выступала перед столькими людьми. Она вышла на сцену в том белом оренбургском платке, который ты ей подарил. В ее руках были розы, и видно было, как дрожат руки».

К концу августа Покрышкин сбивает еще двенадцать нацистских самолетов. Ему присваивают вторую Золотую Звезду Героя. Он становится одним из пятнадцати советских граждан, дважды удостоенных этой высокой награды.

Американцам трудно поверить в фантастические цифры сбитых советскими асами вражеских самолетов. Вероятно, потому, что они незнакомы с русской системой организации боевых звеньев. Если летчик, подобно Покрышкину, проявляет себя смелым, техничным и результативным, он получает под свое командование звено. Оно состоит из двух фланговых самолетов и самолета, прикрывающего его тыл. Они охраняют аса и наводят его на цель.

— Не спешите,— инструктирует Покрышкин свое звено.— Не кидайтесь на врага сразу. Сначала оцените ситуацию. Прежде всего действуйте разумно, не суетитесь. Ваша жизнь не только ваша, она нужна стране.

Часто он атакует значительно превосходящего противника. Вот его лаконичная сводка об одном из таких боев: «Меня сопровождали два самолета. В районе боевых действий мы встретили двадцать четыре «юнкерса». Их сопровождение тащилось где-то позади. Я тотчас атаковал первую группу из восьми «юнкерсов» и сразу сбил головной самолет. Фашисты стали спешно освобождаться от бомб, пытаясь уйти в облака. Приказав самолетам сопровождения преследовать их, я атаковал вторую группу «юнкерсов». Вторая группа «показала хвосты». Я пошел в преследование, как вдруг заметил, что третья группа «юнкерсов» начинает сбрасывать бомбы. Еще немного, и они приступили бы к прицельной бомбардировке наших войск. Я развернулся и атаковал. Когда я зажег один из бомбардировщиков, группа разлетелась в разные стороны. Я приступил к преследованию. Мне удалось сбить еще один самолет».

В Крыму, уже подполковник, Покрышкин командует авиаполком. Вечерами он пишет статьи — его опытом должны воспользоваться и в других летных частях. Покрышкин объясняет, почему некоторые летчики терпят неудачи: «Им не удалось выработать в себе чутье истребителя. Если они и знают противника, то только поверхностно. Они не способны импровизировать и рассчитывать и потому действуют в стереотипной манере. Порой они имеют хорошую летную подготовку и все же не угадывают ни целей, ни плана действий, ни стиля противника, скажу больше, его психологии. Совершенно определенно, такой летчик не может успешно воевать. Культура летчика,— заключает Покрышкин,— в знании собственного самолета и машин противника. И она помогает в небе, лишь когда работаешь не только штурвалом, но и головой».

Между тем в Новосибирске, на центральной улице города, неподалеку от нового оперного театра, строится дом. Летом 1944 года проездом я был в городе, но не застал Аксинью Степановну: она работала в поле. Словно извиняясь, мэр города сказал:

— Когда приедете в следующий раз, то увидите ее уже в новом доме. Большой, со всеми удобствами, с двором и детской площадкой. В конце концов, Александр Иванович один из самых именитых жителей города.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

К 35-летию Совета Экономической Взаимопомощи

ВМЕСТЕ!

СЭВ — 35! Такой недолгий срок, меньше жизни одного поколения. А между тем труд, творчество, идеи и опыт десяти социалистических стран, входящих в Совет Экономической Взаимопомощи, пристрастно изучают друзья и недруги, политики и экономисты, психологи и социологи. Новые формы отношений в экономике, науке, технике, новые формы обмена опытом, организации труда, новые формы связей между государствами, областями, городами, предприятиями, новые формы отношений между народами и людьми. И все это новое можно определить одним словом: социалистическое. То есть бескорыстное, братское, взаимовыгодное.

Новое, рожденное СЭВ, красноречиво измеряется и цифрами. И эти цифры говорят о гигантском пути, пройденном за 35 лет.

Десять социалистических стран — членов СЭВ занимают 19 процентов всей суши, и населяет их примерно десятая часть человечества. В год 35-летия содружества на долю этих государств приходится: четвертая часть мирового национального дохода, треть всей мировой промышленной продукции и четвертая часть сельскохозяйственной, 21 процент вырабатываемой электроэнергии и 32 процента производимых химических товаров. Только за последние 25 лет трудящиеся братских стран получили 75 миллионов новых квартир, десятки тысяч школ, детских садов, яслей, больниц, кинотеатров, клубов и других культурных учреждений. В государствах содружества давно решена важнейшая социальная задача — обеспечение полной занятости трудоспособного населения, нет безработицы, которая сотрясает весь остальной мир.

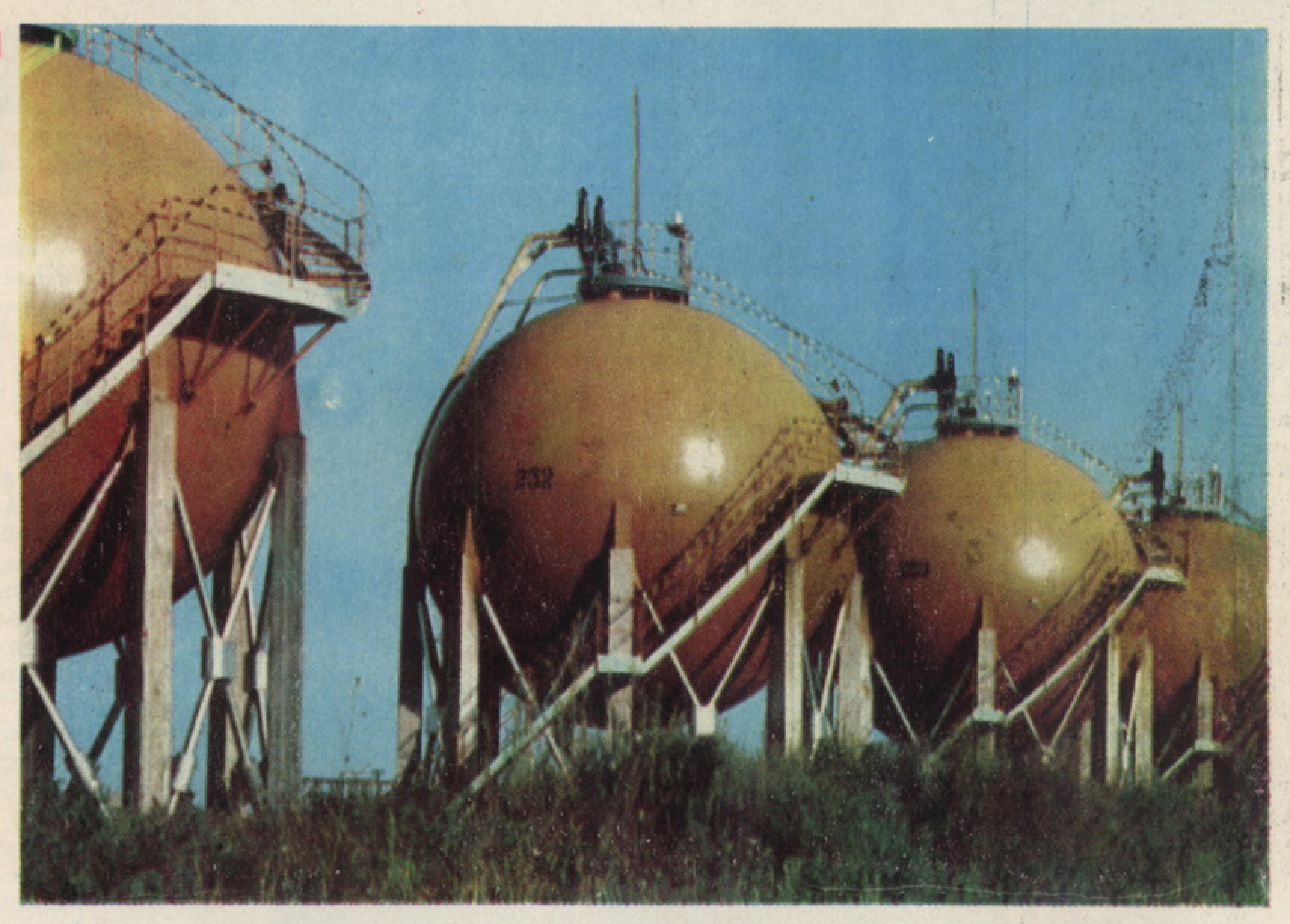
В словаре Даля слово «совет» объясняется как мир, лад, согласие, дружба. И все эти понятия применимы к СЭВ — Совету Экономической Взаимопомощи, демонстрирующему человечеству пример отношений между народами и государствами, образец мирного созидания, эффективности социалистического интернационализма. Есть у СЭВ еще одно драгоценное в наш неспокойный век качество. Он выступает надежным гарантом мира. Как сказал товарищ К. У. Черненко, «усилению военной угрозы страны — члены СЭВ предлагают свою альтернативу — курс на упрочение мира и ослабление международной напряженности, на конструктивное сотрудничество всех суверенных стран, в том числе и в экономической области».

Состоявшееся в этом году в Москве Экономическое совещание стран — членов СЭВ подтвердило в основном и главном общность оценок и взглядов по ключевым проблемам жизни социалистического содружества и международного положения, обобщило богатейший опыт организации подлинно равноправных и взаимовыгодных связей суверенных социалистических государств. Совещание также продемонстрировало, что для жизни членов содружества характерны динамичные темпы роста экономики, ускоренный научно-технический прогресс, постоянный подъем народного благосостояния и культуры, постепенное выравнивание уровней экономического развития, совместное решение возникающих проблем, опора на помощь друг друга. Все это плоды огромной работы марксистско-ленинских партий по углублению всесторонних связей социалистических стран.

СЭВ уникальное, небывалое в истории стран и народов содружество, и оно позволяет проводить в жизнь уникальные, небывалые в истории совместные проекты. Один из таких проектов — газопровод «Союз». Отмечая 35-летие СЭВ, мы решили остановиться именно на этом проекте, потому что с первого дня его осуществления корреспонденты «Ровесника» совместно с корреспондентами молодежных журналов братских стран рассказывали о ходе работ на разных участках строительства газопровода Оренбург — Западная граница СССР, о дружбе, развивавшейся и крепнувшей в общем деле.

Десять лет назад, летом 1974 года, в дни работы XXVIII сессии СЭВ, отмечавшего свое 25-летие, главы правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР подписали генеральное соглашение о сотрудничестве в освоении Оренбургского газового месторождения. Строительство магистрального газопровода было завершено в рекордно короткие сроки. Советский газ пришел к месту назначения. Что принес он странам, участвовавшим в этом большом и тогда еще новом деле, как работает на социализм? Об этом на примере Болгарии, Венгрии и Чехословакии рассказывают специальные корреспонденты «Ровесника».

КАК «РАБОТАЕТ» СОВЕТСКИЙ ГАЗ

Д. ПРОШУНИНА,
наш спецкор

В венгерском государственном тресте нефтяной и газовой промышленности мне сказали:

— Если вы хотите увидеть, как «работает» советский газ и как работают на советском газе, поезжайте в Хайдусобосло и в Ленинварош. Там вы на все посмотрите сами.

Хайдусобосло — небольшой городок на востоке Венгрии, в сотне километров от советской границы. Сюда приходит оренбургский газ, и здесь же находится одно из важнейших в республике своих газовых месторождений.

Город вырастает на глазах из Хортобадьской пусты — ровной во все стороны до горизонта степи. Кончаются улицы-сады, среди которых прячутся очень современные ухоженные дома. Снова степь, пасутся коровы на фоне ослепительно сверкающих на солнце гигантских металлических шаров. Шары огорожены забором — это уже территория газового промысла. Нас встречает директор Густав Лекаи и ведет показывать свое хозяйство. Постриженная под ковер трава, многоцветные пятна клумб, небольшой розарий, где розы пока в бутонах, красноватый песок дорожек — да это не промысел, а настоящий парк.

Своим впечатлением делюсь с Густавом Лекаи.

— Только деревьев нет,— замечает он,— потому что в земле на глубине от полутора метров такое переплетение труб, что корни могли бы грозить аварией. Но все же давайте по порядку.

Рассказ директора промысла Надьальдфелдского нефте- и газового управления Густава ЛЕКАИ.

— Теперь местные жители говорят: «У нас три богатства: земля, вода и газ». Но газ появился сравнительно недавно. А сначала и всегда была земля. Традиционно сельскохозяйственный край. Вода тоже была всегда. И люди в здешних местах ее силу чувствовали на себе: они никогда не болеют артритами, ревматизмом, экземой. В особенности женщины, им больше приходится возиться в родниковой воде. А наши женщины еще славятся своими детьми, в семьях детей много, и редко где вы увидите таких здоровых и крепких ребятишек, как у нас.

В 20-е годы стали здесь искать нефть, а нашли под землей горячие минеральные источники. Так Хайдусобосло стал курортом. Лечиться сюда приезжают со всей Венгрии, да, наверное, и со всей Европы. В городе жителей тысяч тридцать, а за сезон народа тысяч сто перебывает. Естественно, и город, и все окрестные села ориентировали свои интересы на курортников. Да еще туристы: Хортобадьская пуста — крупнейший в стране заповедник с множеством туристских маршрутов.

Так что к 1959 году, когда здесь нашли газ, экономика, хозяйственные интересы края уже сложились. Поэтому наша задача была не только построить промысел, но и суметь вписаться в жизнь, доказать, что газ и химическая промышленность, которая начнет создаваться на его основе, вреда земле и воде не принесут, а пользу люди увидят сами.

Задача-то задачей, а получилось вначале не совсем так, как задумывали. Года через два после начала строительства промысла стала вода в источниках убывать. А к 1962 году вообще еле капала. Город перестал с нами здороваться.

Промысел должен выходить на проектную добычу, у нас уже план, а все инженеры ночами сидят за расчетами. Сколько ни считай — газ воде не помеха, совместная разработка месторождения и источников вполне возможна теоретически, а из труб за полчаса еле стакан воды накапает.

Пришлось газовикам на свои средства и своими силами ремонтировать источниковое хозяйство. Причина оказалась простой. За тридцать лет трубы засорились, диаметр их сузился, и вода перестала проходить. Источники заработали, начал с нами город снова здороваться, да еще почтительней прежнего. К этому времени мы уже полностью газифицировали Хайдусобосло. И хозяйки первые оценили преимущество — иметь промысел под боком.

В 1982 году промыслу исполнилось 20 лет. Работы за эти годы сделано — в одних деньгах не подсчитать. Вся химическая промышленность Затисайской области работает на газе как основном сырье, в том числе и Тисайский химический комбинат. В миллион квартир в Будапеште, Дебрецене, в других промыш-

ленных центрах пришел наш газ.

Газификация, мы считаем, дала импульс к преображению всего края. Но возникли и новые проблемы. Газа мало. К 1993 году его запасы иссякнут. Положение могло бы стать катастрофическим. В экономическом плане и даже в психологическом. Переход на отопление бурым углем нашим бытовым потребителем, в частности, был бы воспринят как шаг назад, как снижение уровня жизни. Может быть, вы заметили, когда ехали сюда, что в наших местах при каждом доме гараж, даже если пока нет машины. Это перестроенные угольные сараи. К хорошему, как известно, люди привыкают быстро.

Но все было продумано заранее. В середине 70-х началось строительство газопровода «Союз», Венгрия участвовала в работах, и оренбургский газ пришел к нам как раз вовремя.

Советский газ дает нам широкие возможности для маневра. Он поступает равномерно в течение всего года. Но с апреля по октябрь бытовой потребитель сокращает использование топлива. В это время поступающий газ мы закачиваем в выработанный верхний пласт своего месторождения, где он и хранится до зимы, а сами ведем добычу из нижних, более глубоких слоев. Зимой же мы добываем газ из верхнего пласта-хранилища. Таким образом мы можем удовлетворять бесперебойно наших потребителей, и промышленных и бытовых.

Теперь жители этого края с полным основанием говорят: «У нас три богатства: земля, вода и газ». Особенно нас радует, когда говорят: «У нас на промысле», «на нашем газе»...

Взгляд на жизнь меняется медленно, сначала меняется что-то в мелочах, появляются едва заметные штрихи нового, пунктирные точки... Рождаются новые профессии. Когда создавался наш промысел, специалисты приехали со всей республики, даже «москвичи», так мы зовем выпускников Московского института имени Губкина. А рабочих набирали на месте. Шахтер-газовик — высокая квалификация, нужен характер, понимание ответственности. Газовика надо не только учить, его надо воспитывать. Профессии человека научить можно быстро, а вот сделать из крестьянского парня настоящего шахтера-газовика гораздо сложнее. Сейчас работать на промысле в наших местах считается престижным. Выпускники школы в Хайдусобосло охотно идут к нам на работу или едут в техникум, а потом возвращаются к нам.

Я вам приведу такой пример. В первые годы, бывало, организуем поездку в Дебрецен в театр. Нет желающих. Открыли библиотеку при промысле — никто книги не берет. Не было у людей такой потребности. Сейчас в библиотеку пришлось брать второго работника, книжный магазин в городе план перевыполняет. Так. А из-за театральных билетов обиды и ссоры, если кому не хватит. Хотя сейчас телевизор в каждом доме. Кстати. По телевидению у нас в Венгрии каждый год проходит какой-нибудь общенациональный конкурс. «Что ты знаешь о Советском Союзе?» или «Современный мир», темы обычно широкого политического характера. Команда с промысла всегда участвует и несколько раз выходила победительницей, причем победу промысловиков город отмечал как свой праздник. Это очень важно: рабочий живет в семье, среди соседей — их отношение к промыслу ему очень даже не безразлично.

Можно, конечно, считать, что тут и время поработало. И это правильно. Но и наших усилий есть доля. Интересы людей стали шире и стали переплетаться.

Вот видите, как получается: газ дополнил и расширил не только экономические возможности края. Он дал импульс к появлению иного стиля жизни, скажем так. У людей стал шире горизонт, интересы, появились культурные запросы, незнакомые им раньше, появился и общественный взгляд. Я имею в виду, что человек уже не может жить только заботами своего поля, огорода, дома, он заинтересован в делах своего района, края, всей республики.

Еще я хотел бы сказать об экологии. Без этого картина останется неполной. Начну с того, что промысел уже более десяти лет не платит штрафы за нанесение вреда окружающей среде. А производство у нас такое, что и воды много требует, и отходы могут убить все живое в округе. Нам даже удалось их утилизировать.

Наши скважины на 40 квадратных километрах, когда тянем трубы, пересекаем дороги, раскапываем землю. Земля же в основном кооперативная. Поэтому с первых же лет эксплуатации месторождения у нас правило: закончил работы — сразу же привел землю в первозданное состояние и даже улучшил, если это возможно, конечно. Например, восстановили мы дорогу после прокладки труб и решили обсадить ее фруктовыми деревьями. Обсадили. А на будущий год, смотрим, кооператив продолжил посадки. Теперь это стало правилом — мы начинаем посадки, а кооперативы продолжают.

Иначе нельзя. Мы, газовики, в этом крае представляем рабочий класс, наш долг быть примером.

Ленинварош, город, где находится Тисайский химический комбинат, поражает многоцветием красок. Яркое синее небо, светлые современные дома с балконами, увитыми виноградом, зеленые аллеи-улицы, обилие цветов. Такое впечатление, будто город принарядился к празднику. Когда мы ехали к химическому комбинату, своеобразным указателем дороги были люди с коньками в руках. Стояла тридцатиградусная жара, и увлечение фигурным катанием казалось довольно странным. Объяснение оказалось простым.

Метрах в двухстах от проходной комбината коробка катка. Из динамиков звучит музыка, на льду человек сто катающихся. Малыши, в основном с дедушками, и парочки, выделывающие чемпионские па. Звучит голос диктора, он просит девушку в зеленом купальнике надеть кофточку: у нее будет солнечный ожог. Девушка послушно уезжает к раздевалке. Ото льда веет приятной прохладой.

— Каток — это отходы производства,— говорит начальник отдела тепловодоснабжения Тисайского химического комбината Ласло Майрус.— Вернее, побочный продукт получения кислоты из аммония, раньше он практически терялся. Наши энтузиасты придумали новую технологическую схему — и получился каток.

Это был, может быть, самый впечатляющий пример того, как «работает» газ: не только не враждует с природой, но и привносит новое, просто немыслимое ранее.

Тисайский химический комбинат — это шесть заводов, работающих в основном на нефти и газе, поступающих из Советского Союза по нефте- и газопроводам «Дружба» и «Союз». На стендах в специальной комнате, ее на комбинате называют репрезентативной, выставлена продукция, которую здесь выпускают. Большая схема с красным кружком посередине — Ленинварош — рассказывает о связях комбината, о том, куда поступает его продукция. Зеленые, красные, синие лучи — виды продукции — особенно густо идут на восток, в Советский Союз. Сотрудничество действительно самое тесное. Например, завод удобрений. Он был построен в 1962 году, оснащен советским оборудованием, действует по советской технологии, налаживали производство советские специалисты. Это первое в республике предприятие такого рода, где газ используется как основа.

Рассказ начальника отдела тепловодоснабжения комбината Ласло МАЙРУСА о сотрудничестве с советскими специалистами.

— По-видимому, вы знаете, что в последние годы республика добилась больших успехов в сельском хозяйстве. Мы вышли на второе место в мире по производству кукурузы, яиц, битой птицы на душу населения. Это значит, нужно больше удобрений, больше средств защиты растений и многого другого. Встал вопрос о модернизации завода удобрений. Советские инженеры предложили нам проект, по которому с тех же производственных площадей при меньшем числе рабочих можно получать в два с половиной раза больше продукции. Сейчас модернизация, которую мы проводили вместе с вашими товарищами, завершена, работаем несколько лет и видим — проект полностью оправдал себя.

Но не подумайте, что завод добился повышения производительности труда, заставив людей работать до состояния выжатого лимона. Скорее картина обратная — людям работать стало удобнее, даже, сказал бы, легче. Вообще ведь улучшение условий труда — это не только цель, это процесс, и на комбинате он идет постоянно. Но вернемся к модернизации. Ее суть — более совершенная технология, механизация, своевременная наладка машин, улучшение условий труда. И получается такая цепочка: человеку стало работать удобнее и здоровее, продукции выпускаем больше, и все сохранили работу, а в таком городе, как Ленинварош, это важно: здесь примерно две трети населения связаны с комбинатом. Те, кто хотел, получил новую квалификацию прямо на комбинате.

Мы снова в репрезентативной комнате. Красители, пленки, пластмассы, модные сейчас искусственные цветы, полиэтиленовые мешки для промышленного использования, хозяйственные пакеты с картинками на любой вкус, пакеты для мусора, они облегчают его уборку в городах, и еще множество предметов и приспособлений, которые делают нашу жизнь удобнее, чище, приятнее, сберегают естественное сырье. Кто будет спорить, что рубашка, полотенце, белье приятнее из хлопка или льна, а корд для шин, мешки для грунта, разные упаковочные материалы могут быть и синтетические. Молоко выгоднее перевозить в пластмассовой упаковке, а пить его, конечно, приятнее из тонкостенного стакана или фарфоровой чашки. Поэтому репрезентативная комната с витринами изделий — это гимн газу, его полезной службе человеку.

Через несколько лет самым ярким примером того, как «работает» газ, очевидно, станет Будапешт. Столица молодеет. Об этом говорят все. Советуют пойти посмотреть, называют районы и улицы. К почерневшим от времени и погоды домам возвращается их молодая кремовая, розовая, голубая чистота. Думали об этом давно, останавливала бесполезность усилий. Зимние и осенние туманы, перемешиваясь с дымом из печных труб, покрывали стены темным налетом. Теперь с каждым годом все меньше в столице дымит труб, в дома пришло центральное или газовое отопление.

Будапешт начал молодеть.

Будапешт

ЭТОТ ГОРОД КАК МЫ!

Нина ЧУГУНОВА,
наш спецкор

В этом городе высокие деревья. Их посадили те, кто строил город и комбинат. Деревья посадили, когда стало ясно: в этом городе надо жить хорошо. Дети и деревья появились в городе в одно время. Пока росли дети, поднялись и стали давать прохладную тень деревья. Потом они стали такими высокими, что город скрылся под кронами. Но ненадолго. Ведь город тоже рос.

«Города еще нет, есть только мечта!» — написал поэт и строитель города, когда города еще не было. Разве не было? В проекте, в мечтах, в снах он был! Возможно, в мечтах город должен был стать самым совершенным городом. Деревья самыми высокими. А люди? Какими должны были стать новые городские жители?

Об этом размышлять не бессмысленно. И сравнивать город с мечтой надо. Потому что это дает повод для движения вперед. Такое сравнение — сравнение с будущим.

ГОРОД НА ПУСТОМ МЕСТЕ. Так привыкли говорить о Димитровграде. Веса Господинова, сотрудник музея социалистического строительства и патриотка города, провела нас в первый зал экспозиции, и мы увидели: берег реки Марицы, пустое пространство земли...

Но не было пустым место, где вырос город!

Он начался с решения партии о строительстве азотно-тукового производства, принятого на V съезде БКП в 1948 году. 5 ноября 1951 года производство было пущено, а город уже родился, он поднялся рядом. Поразительный по тем временам срок строительства и доказывает: город начинался не на пустом месте. На пустом месте может возникнуть только мираж, обман зрения.

А у города для жизни было: новая, социалистическая Болгария; сильные молодые руки тех, кто верил в будущее родины; и яркий пример страны, начинавшей также, «на пустом месте» свои города и заводы. Привычное для Димитровграда сравнение — это болгарский Комсомольск-на-Амуре. Город, построенный руками добровольцев.

Не будь этих трех важных условий — завоеванного будущего, преданных сердец и помощи страны-друга,— городу действительно пришлось бы «возникать на пустом месте». Но город не возникал, он рос, как дерево, питающееся соком земли, посаженное руками человека.

КАК МЫ СТРОИЛИ ГОРОД. — Меня зовут Иванка Пенчева. Мне было двадцать лет, я жила в деревне в родительском доме, когда к нам приехали агитаторы и стали собирать народ на митинг, и рассказывать о социализме, и звать молодежь на ударную стройку в Хаинбоаз — строить дорогу. Всем в деревне это было незнакомо: зачем уезжать, бросать домашнюю работу и все хозяйство, тем более нам стало известно, что скоро прибудут тракторы из Советского Союза. В общем, народ послушал и разошелся, а я ночь прождала и наутро выскочила из дому и побежала на площадь, где агитаторы велели собираться добровольцам. Бегу, боюсь, как бы отец не замешкался со своим стадом, не увидал меня на площади, но и опоздать боюсь, агитаторы ведь

приехали на грузовике. Значит, вызвалось нас двадцать пять человек молодежи из деревни ехать в Хаинбоаз. Сели в кузов грузовика и поехали, не знала еще я, как сильно моя жизнь переменится от этого поступка. Была я девушка работящая, неграмотная, простая, первый раз в жизни речь говорила на общем митинге в Панагюрище, куда привезли всех нас, добровольцев. Не знала я, что не будет в моей жизни ни большего счастья, чем работа, ни большего горя, чем отойти от нее, остаться одной. Шесть месяцев мы строили дорогу. Мою фотографию повесили в нашем деревенском клубе как портрет передовика, и отец простил меня, прислал денег, только возвращаться все-таки велел. Завернула я фотокарточку, где я с товарищами, в платок и поехала, дорога-то была уже готова. Тосклию мне было ехать... Хоть натерпелись мы трудностей, голодали, когда скала упала и перегородила путь к нам из города. Мерзли... Землей меня сильно засыпало, побило землей, лежала в больнице. Все это забылось, осталось счастье, что дорога наша есть.

Поэтому, когда пришла весть о строительстве нового города, я поехала, нисколько не размышляя: это город был мой. Сначала нас было сорок человек, и мы строили бараки для строителей, потом строили город, цехи завода... Многое повторилось, жили в большой комнате сорок пять девушек, ели одну фасоль, умывались ледяной водой. Все это было. Только помним мы не одно это. Мы помним наши танцы под аккордеон и походы в кинотеатр «Химик», который был устроен тоже в бараке, и помним, как мы мечтали: вот будет настоящий кинотеатр, там воду газированную будут продавать перед сеансом, деревья на бульварах зацветут...

НАЧАЛО БУДУЩЕГО. Завод по производству химических удобрений в Димитровграде — первенец болгарской химии. К началу его строительства в Болгарии не было никакого машиностроения. Оборудование поставлял СССР. Завод был рассчитан на производство 130 тысяч тонн удобрений в год. В СССР тогда производилось пятьсот тысяч. Завод проектировался с расчетом на то, что топливом будет служить уголь.

ШКОЛА БУДУЩЕГО. Веса Господинова с нами вместе слушала рассказ Иванки Пенчевой. Потом она решила дополнить его.

— Иванка — ветеран бригадирского движения. Это движение уникальное, типично болгарское, хотя во многом оно напоминает добровольческие кампании всех социалистических стран на заре социалистического строительства, традиции первых пятилеток в СССР... Правильно их называют школой будущего, школой коммунизма! Наша молодежь осваивала не только строительные специальности, она вступала в новую для себя роль — строителя общества. Дорога в Хаинбоазе — это самое начало бригадирского движения, его зарождение. А город наш — самая большая слава движения! Приезжали неграмотные, через четыре недели уже писали домой письма, читали «Молодую гвардию», эта книга была настолько любима всеми, что так называли бригады строителей. А девушки называли себя «чайками» в честь Лизы Чайкиной. Все знают, что оборудование для комбината было поставлено из СССР, что много советских специалистов помогало строить и комбинат и город. Но не менее важен исторический пример: наши девушки и парни хотели быть похожими на героев вашей истории, вашего строительства!

Как появилось имя города? Вот уже стоят первые бараки, а относительно имени нет решения. Хотя в самом городе имя у всех на устах. В телеграмме, которая была направлена в Софию, говорилось: «Мы, молодогвардейцы, с димитровским дерзновением будем строить город будущего!» Димитров, узнав о пожеланиях строителей дать его имя новому городу, смутился, он даже протестовал. Он сказал: «В конце концов я ведь даже еще не умер!» А когда строители собрались на грандиознейший митинг и каждый выступавший повторил общую просьбу, Димитров сдался: он не мог идти против мнения молодежи.

МОЙ ГОРОД. «Меня зовут Румен Жеков. Я родился в Димитровграде. Отец сначала жил в деревне Раковцы, там, где сейчас вокзал. Работал он киномехаником. Когда город начали строить, пошел в строители. Почему? Я не спрашивал почему. Мне казалось, что это ясно, отцу тогда было двадцать лет. Он рассказывает, что рыл громадный котлован. Отец и моя мама встретились на строительстве. Когда они поженились, то получили комнату в бараке для семейных. Я этот барак хорошо помню, он простоял до шестьдесят первого года. Я помню, что у всех были маленькие дети. Мы бегали на Марицу купаться, а потом бежали в кино. Когда город, можно сказать, построили, отец вернулся к своей профессии киномеханика и стал крутить кино. Больше всего любили «Чапаева» и фильм «Тринадцать» о советских солдатах, которые дрались с басмачами в пустыне. Эти фильмы мы смотрели сквозь щели в стенах кинотеатра. Но потом и кинотеатр был выстроен новый, и отец задумал с товарищами создать кинолетопись города. Я видел этот фильм... Я удивился, какие маленькие деревья у вокзала — веточк посажены. Когда они успели вымахать? Девушка, на которой я женился, тоже была из семьи первых строителей, а сама она швея. Здесь все из семей строителей... Когда я заканчивал строительный техникум, то решил, что сначала должен поработать рабочим. Хотел попробовать себя. Мне казалось, что без этого мне в жизни многого будет не хватать. Они, мой отец и его товарищи, так срослись с городом. Я тоже хотел чувствовать, что этот город мой. Работать на стройке тяжело. Тяжело зимой, осенью... Но я работал. Потом меня наградили медалью, я вступил в партию. Отец не показывал прямо, что он мной гордится, но он мной гордится, я вижу».

ГАЗ ДЛЯ ДИМИТРОВГРАДА. Советский газ пришел в Болгарию двумя ветками — южной и северной, которые должны замкнуться в кольцо. В Димитровграде он дал возможность начать самую грандиозную реконструкцию первенца болгарской химии. По сути, будет построен новый завод на месте старого. Так говорят на комбинате. И это правда.

К началу реконструкции было ясно: уже устарели старые стены заводских корпусов, устарели коммуникации, в большинстве случаев необходимо сменить цеховое оборудование. Но самое важное, что предстояло сделать,— перевести производство на газовое топливо.

Комбинат впервые использовал газ — пробно — 10 октября 1980 года. А уже 29 октября все производство было переведено на газ.

Здесь необходимо заметить, что старый завод не переставал работать. С началом реконструкции производственный план комбинату не только не был уменьшен, но даже увеличен. Комбинат работал с большей нагрузкой, а реконструкция шла полным ходом.

Говорит уполномоченный ЦК БКП на комбинате Петер АНГЕЛОВ:

— Перемены должны приходить в нашу жизнь, в нашу работу. Но для того чтобы перемены осуществлялись, необходимо, чтобы люди, от которых перемены зависят — рабочие, инженеры,— сохранили в своей работе неизменное. То, что было в людях и тридцать лет назад. То, без чего наше движение вперед стало бы невозможным. Это вера в победу. Это энтузиазм.

КАК БЫЛО В НОЯБРЕ. «Меня зовут Николай Янев, я секретарь комитета ДКСМ на комбинате. Хочу рассказать, как у нас было в ноябре... Я иногда думаю: не больше ли в них, старых «бригадирах», энтузиазма, любви к работе? Когда два года назад мы пригласили ветеранов бригадирского движения поработать на реконструкции несколько дней — символически, в честь 100-летия Димитрова, в честь своей молодости, в честь города, который они построили,— я увидел, как были рады эти люди возвратиться на тридцать лет назад! Многие даже плакали... Тогда я и подумал: не больше ли в них отваги? Но я вспомнил, как у нас было в ноябре.

По проекту реконструкции мы приступали к монтажу тяжелого оборудования, который должен был продолжаться 14 месяцев. Инженеры комбината разработали проект монтажа, который позволял сократить сроки. Были учтены все резервы сокращения сроков. Но люди работали буквально день и ночь, многие бригады находились на участках по тридцать шесть часов. Я сам приходил на комбинат в пять утра и уходил за полночь. За сорок дней монтаж был закончен! Конечно, все сроки со временем кажутся не такими уж рекордными, потому что техника идет вперед и позволяет без напряжения делать то, что раньше казалось верхом человеческих возможностей... Но без того, чтобы кто-то работал на пределе своих возможностей, я уверен, никакая техника не двинется вперед.

...Когда бригадиры-ветераны приехали к нам, они попросили дать им что-то похожее по трудности на работу, которую они делали тогда, тридцать лет назад. Мы сказали, зачем это, такой работы и нет, чтобы вручную. Нет, была: надо было вырыть траншею, очень глубокую, но мы же не могли поручить это ветеранам. Но они потребовали. Они стали работать так, что люди побежали на них смотреть! Из двухметровой глубины траншеи летели комья земли, только и видны были лопаты. Они пели свои старые песни, они казались всем такими молодыми!.. Я хотел бы через тридцать лет быть таким молодым».

НАЧАЛО БУДУЩЕГО. Сейчас идет реконструкция с участием советских специалистов. Ожидается громадный экономический эффект. Но с ее завершением перемены не прекратятся. Самый верный взгляд на жизнь — это взгляд в будущее. В представительстве НРБ при СЭВ нам сказали:

— Жечь газ — не большое геройство!

Потому что газ — это ценнейший химический продукт, он должен прежде всего использоваться как химическое сырье. Надо думать о будущем: что придет на комбинат вслед за газом? Возможно, что газ останется на комбинате как самый оптимальный вид топлива. Возможно, появятся условия изменить производственный процесс согласно взгляду на газ как на сырье. В любом случае перемены — это дело времени. Они обязательны для нашей жизни. Потому что для них есть самое главное условие — неизменное в людях.

София

СОЧИНЕНИЕ МАРТИНЫ

М. ШИШКИН,
наш спецкор

Весь день ничего не ладилось, а теперь еще и дождь, да какой там дождь — всемирный потоп. Клемент Новак возвращался домой после работы злой и усталый. Рано утром что-то случилось с системой отопления. Пока разобрались, в чем дело, и починили — уже вечер, рабочий день давным-давно кончился, теплицы опустели, все давно сидят в такой дождь дома и смотрят телевизор. А он даже пообедать не успел, на бегу только проглотил бутерброды, которые сунула ему жена. Ночной сторож, уже заступивший на вахту старик Бархотка у проходной покачал головой: «Опять, Клемент, уходишь последним...» Отшутился: «Ничего, пан Бархотка, за отпуск отдохну!» Как теперь сказать Людмиле про отпуск? И девчонки уже только и живут следующим понедельником.

Хотели поехать на море, в Болгарию. Старшей, Мартине, уже восемь, Петре — четыре. Они еще не видели моря. Подгадали с Людмилой, чтобы совпали отпуска, а у его сменщика заболела жена, скорей всего будут делать операцию, и тот взял отпуск, они были хорошими друзьями. Но как сказать, что ничего сейчас с морем не получится, Людмиле и детям?

На повороте сверкнул, отразив свет фар, щит — Биловице.

Клемент поставил машину в гараж. Перепрыгивая через лужи, подбежал к крыльцу. За несколько секунд успел промокнуть до нитки. Дети уже спали. Людмила встретила причитаниями, где он так долго пропадал, что случилось? Буркнул ей что-то сквозь зубы и, сковырнув грязные промокшие ботинки, молча сел за стол. Людмила тоже замолчала — обиделась. Молча разогрела еду, молча налила крепкий чай, села спиной к нему в кресло, уставилась в телевизор, на котором улегся, свесив на экран лапу, старый кот Людовик.

Так всегда, все, что накипело на работе, выливается на бедную Людмилу. Подошел к ней, обнял сзади, сказал: «Прости...» Она посмотрела на него снизу: «Что случилось?» Пожал плечами: «Просто сильно устал. Пойду лягу». Нет, не смог сказать про отпуск. Завтра.

Клемент поднялся в детскую. Петра, как всегда, разбросалась во сне, ее кудряшки совсем рыжие в свете ночника. Тут заворочалась на другой кроватке Мартина. «Папа?» Он присел к ней, улыбнулся. «Ты что не спишь?» — «Папа, а мы поедем к морю?» — «Да-да, поедем, спи!» — «Папа, а нам задали написать сочинение «Наша семья». Я все написала, но только там, наверно, ошибки».— «Хорошо, Мартина, я завтра утром посмотрю, спи». Он взял тетрадку и выключил свет: «Спи».

Пока спускался с лестницы — чуть расшаталась ступенька, нужно будет подбить — своими огромными руками раскрыл тоненькую тетрадку.

«Наша семья. Сочинение.

Наша семья большая. Мы — это мама, папа, моя сестра Петра, я и наш кот Людовик. Он большой и пушистый и все время спит на телевизоре...»

Четыре человека с котом теперь уже большая семья. У прадеда Клемента было одиннадцать детей. Тогда это считалось нормальной крестьянской семьей.

Включил настольную лампу. Стал читать дальше. Старательный детский почерк. Крупные неровные буквы.

«Еще у нас есть бабушка и дедушка. Наш дедушка настоящий герой. У него есть медаль».

Отец Клемента воевал против фашистов в 1-м чехословацком корпусе под командованием генерала Свободы. Про войну отец рассказывал ему мало. Не мог. Каждое слово давалось ему с трудом. Клементу запомнился рассказ про русского гвардейца с усиками. Его звали Сережа. Когда отца Клемента просили рассказать о войне, он после долгого молчания всегда рассказывал про Сережу, часто дыша и растягивая паузы между словами, будто перед каждой фразой ему нужно было перевести дух.

Это было в октябре сорок четвертого. Чехословацкий корпус вместе с советскими войсками вел тяжелые бои в Карпатах: спешили на помощь Словацкому восстанию. Самым страшным

был Дуклинский перевал. Там погибло больше всего людей. Чехи, словаки сражались плечом к плечу с советскими. В одной воронке оказались отец Клемента и советский пехотинец. Они только успели вместе покурить. Советский солдат сказал, что его зовут Сережа и что он с Волги, из-под города Камышина. Сережа носил усики, это было модно тогда, ближе к концу войны, солдатская мода, гвардейский шик. Потом начался минометный обстрел. Мины рвались прямо вокруг них. Сережа упал, прикрыв собой отца Клемента. Осколок попал Сереже в позвоночник. Он умер по дороге в медсанбат. «Это был мой осколок,— говорил отец Клемента, слова давались ему все с большим трудом, он останавливался перед каждым, чтобы отдышаться.— Сережа взял себе мою смерть». После этих слов он всегда вскакивал с места и шел куда-нибудь работать, в поле или на виноградник. Тогда, в конце войны, он мечтал о том, чтобы самому освободить родную деревню, но до Моравии ему дойти не удалось — победный май сорок пятого встретил в госпитале.

«Мой папа работает в кооперативе. Каждый день он уезжает работать в теплицы. В теплицах папа самый главный».

Клемент покачал головой. Ох, Мартина, Мартина. Да какой же он самый главный. Обыкновенный инженер. Ответственный за отопление теплиц. Клемент уже давно замечал в Мартине страсть к сочинительству. Она без конца может выдумывать что-нибудь и рассказывать Петре или соседским детям, а те сидят и слушают ее, разинув рты. На праздник родственники приезжали, спрашивают Мартину, кем станешь, когда вырастешь. А она уверенно: «По телевизору буду детям сказки рассказывать». Кто знает, может, действительно, вырастет и будет на телевидении работать. Кем хочет, тем пусть и станет.

А в кооператив их семья вступила одними из первых. Отец Клемента вернулся после госпиталя в родную деревню и стал строить новую жизнь. В сорок восьмом голосовал за коммунистов. Начинались трудные, счастливые времена.

Не все поначалу шло гладко. Но люди не сдавались. Кооператив рос, креп. На поля пришла техника. В 1967 году четыре соседствующих кооператива — Моравски Жижков, Павловице, Раквице и Биловице — решили объединиться. Большому хозяйству и строиться легче, и можно позволить себе ту технику, которая мелкому кооперативу не по карману. Назвали себя «Южная Моравия». Кооператив богател, открыл по всей республике свои фирменные магазины.

Но по-настоящему изменилась жизнь «Южной Моравии», когда по земле кооператива пролегла нитка газопровода. Из далекого Оренбурга в «Южную Моравию» пришел советский газ.

Газокомпрессорная станция давала тепло, не выпускать же его в воздух. Проблему решили просто — надо строить теплицы.

Те, первые, теплицы были покрыты пленкой. Ветер, на который раньше никто и внимания не обращал, стал врагом номер один. Пленка то и дело рвалась. В любую погоду, в любое время суток приходилось быть начеку. Прошло пять лет. Под теплицами, уже прочными, стеклянными, занято пять гектаров земли. Еще 2,2 гектара новых теплиц строятся. В парниках «Южной Моравии» выращивают рассаду огурцов, помидоров, других овощей и поставляют ее другим хозяйствам. Продукция теплиц поступает в девятнадцать кооперативов трех соседних районов. От их рассады зависит урожай во всем округе. Но выращивать только рассаду для кооператива оказалось невыгодным экономически. Так вот и получилось, что основная статья дохода «Южной Моравии» — цветы. Каждый год в магазины Брно, Праги, других городов республики отправляется миллион гвоздик, 400 тысяч роз и сотни тысяч других цветов. Теплицы «Южной Моравии» стали огромным предприятием, вырабатывающим ежегодно продукции на 12 миллионов крон. Теплицы обслуживают 280 человек.

Один из них — Клемент Новак. Его работа проста. От газокомпрессорной станции вода в систему отопления теплиц идет нагретая до температуры 130 градусов. Возвращается, остыв до 70. Клемент должен следить, чтобы эти температуры были постоянными. Отклонение может привести к аварии. Вот и получается, что от Клемента все зависит, хотя он и не «самый главный».

«Наша семья очень дружная. Мы с папой и Петрой помогаем маме по хозяйству. В воскресенье папа возил нас в Брно. Мой папа объездил всю Чехословакию и даже был в Советском Союзе».

Тогда многие уезжали строить газопровод в Советский Союз. Иржи, школьный товарищ, уговаривал Клемента ехать с ним. Иржи приехал тогда из Бржецлава в гости на субботу и воскресенье. Клемент качал головой, нет-нет, ну куда он поедет, да еще на целый год. И здесь дел полно, а надо еще дом строить. «А куда вы едете?» — спросил Клемент. «В Камышин»,— сказал Иржи. Камышин! Клемент сразу вспомнил отца, как тот рассказывал про Сережу с гвардейскими усиками, останавливаясь перед каждым словом, чтобы перевести дыхание.

Через несколько месяцев Клемент лежал на верхней полке, слушал, как дребезжат в подстаканниках пустые стаканы, и смотрел в окно. Поезд вез его по широкой русской колее, по широким русским просторам, и Клемент думал о том, что люди, живя на таких просторах, и чувствовать себя должны совсем по-другому — их должно сильнее тянуть друг к другу.

В Камышине он сразу окунулся в огромную стройку. Работы было невпроворот, шел монтаж, и его назначили главным электриком.

В самом начале, как только приехали в Камышин, он ходил по улицам, просто так, один, шел и смотрел на людей. И вдруг заметил, что все на него смотрят, оборачиваются. Клемент даже посмотрел, не измазался ли он где-нибудь в краске. А одна девушка даже подбежала к нему, чтобы он подписал ей книжку. Клемент подписал, ему не жалко. А оказалось, что он очень похож на поэта Евтушенко. Позже он сразу говорил: «Я не Евтушенко, я Клемент Новак из Биловице».

Однажды чехов повели на экскурсию в школу. После концерта им повязали пионерские галстуки. Клементу повязала свой галстук маленькая девочка, очень похожая на его Мартину, только постарше. Он заметил, вдалеке от дома все дети становятся похожими на своих. Потом их повели в школьный музей славы. Там были фотографии выпускников этой школы, погибших в войну. С гвардейскими усиками ребят было много, а Сергея не оказалось ни одного.

Того Сережу, о котором Клемент только и знал, что он из-под Камышина и что он носил усики, и еще, что этот Сережа, погибнув сам, спас его отца, а значит, и его самого, и Петру, и Мартину, и их будущих детей, каких-либо следов того Сережи Клементу так и не удалось найти. Но зато, как ему показалось, Клемент понял его страну.

Однажды поздней осенью он приехал по делам в Камышин, стройка находилась в нескольких километрах за городом, дождей не было, уже стоял ноябрьский холод, и ветер гонял по мостовым листву. Он проходил мимо памятника погибшим воинам и остановился. Постоял на ветру, прижимая поднятый воротник к замерзшим ушам. К нему подошла старушка в платочке. Сказала что-то о погоде, о том, что холодно. А потом стала рассказывать о своем погибшем сыне. Она называла Клемента, совершенно незнакомого ей человека,— сынок. Это то самое, подумал Клемент тогда, что он так хотел понять. Во всем мире люди обращаются друг к другу мистер, герр, сэр, пан, мосье, а здесь — брат, отец, мать, сынок.

Когда в Чопе снова меняли колеса, он покидал страну, которую понял. Тот Сережа с гвардейскими усиками принял на себя осколок, который летел в брата.

Приехал домой и на следующий день пошел устраиваться на работу в теплицы.

Чайник кипит вовсю, даже стекло запотело. Клемент заварил чай. Подчеркивая карандашом ошибки, стал читать дальше.

«Мой папа большой и самый сильный. С папой я ничего не боюсь. Когда я вырасту, я бы хотела выйти замуж за папу. Моя мама самая добрая и самая красивая. Я ее очень люблю и хочу быть во всем на нее похожей. Наша семья живет в доме, который построил папа. Наш дом самый красивый в Биловице. Петра еще маленькая и ходит в детский сад. Мы все очень любим друг друга».

Есть семья, нужен дом. Чего там скромничать, и вправду самый красивый в деревне. Три года строил. Все своими руками. Конечно, помогали братья жены, одному такую стройку не осилить. Можно было и рабочих нанять, но от дедов впиталось в кровь — свой дом надо строить своими руками. Отец говорил: чтобы крепко дом стоял, цемент не водой, а потом своим надо разводить. Уж чего, а пота много ушло, не жалел. Ну и дом на славу получился.

«Наша семья самая счастливая. Вот и все о нашей семье».

Клемент закрыл тетрадку. Встал, вышел на крыльцо, осторожно прикрыв за собой дверь, чтобы никого не разбудить. Дождь уже кончился, только еще чуть слышно капало с деревьев. Сел на верхнюю сухую ступеньку. Закурил.

Вдруг дверь открылась. Людмила, кутаясь в халат, испуганно спросила: «Да что с тобой сегодня? Что случилось?»

Клемент улыбнулся: «Все хорошо.— Он поднялся и обнял жену. — Все хорошо...»

Прага

Лучшая школа песни — сама жизнь

Погрузка и разгрузка товарных составов, работа в ХАП вовсе не освобождали нас от нашей основной работы: преподаватели продолжали учить, музыканты — играть и писать песни, и песенное движение процветало. «Инти-Иллимани» и «Килапаюн» были самыми популярными тогда группами, они выступали на каждом крупном митинге, и звучание инструментов «Инти-Иллимани» было звучанием Народного единства, а веселые, мужественные и бородатые физиономии «Килапаюна» были его лицом.

Виктор говорил: «Везде, где бы мы ни выступали, мы должны организовывать творческие мастерские... Наша работа — вернуть народу то, что ему уже принадлежит — богатства нашей культуры, мы должны удовлетворить жажду культурного самовыражения, которая стала так заметна во время предвыборной кампании».

Разные коллективы по-разному решали эту задачу. Например, «Пенья де лос Парра» превратилась в культурный центр для жителей прилегающих районов. Они приходили сюда на митинги и дискуссии, учились писать песни и стихи. Ребята из «Инти-Иллимани» не считали себя способными к педагогической работе, но всегда были рады помочь новым группам. А «Килапаюн» выбрали другой путь: они решили буквально «размножиться» — создать как можно больше групп, похожих на них как внешне, так и репертуаром. Каждый член «Килапаюна» должен был стать ядром самостоятельной группы, так что появились «Килапаюн-1», «Килапаюн-2» и так далее, всего шесть «Килапаюнов».

В 1972 году Виктор работал с коллективом из шести девушек «Кантамаранто». И вместе с Изабель Парра и новой группой, «Хуамари», они участвовали в записи его нового альбома «Ла побласьон».

Один из друзей, который жил в районе бедноты, сказал Виктору: «Товарищ, ты ищешь темы для песен. Почему бы тебе не сделать альбом об истории нашего квартала Эрминда де ла Виктория?» Виктор взял магнитофон и гитару и отправился в побласьон. Старейшая жительница квартала компаньера Ана рассказала ему, что раньше все жили на берегу реки Мапочо, каждую весну река выходила из берегов и затопляла дома, и вот однажды эти отчаявшиеся люди решили захватить пустующую землю. Они погрузили весь свой скарб на ручные тележки, набили заплечные мешки и двинулись в путь — с детьми, с младенцами. Они заранее разбили ту землю на участки, чтобы побыстрее возвести хижины. До наступления темноты они прятались в овраге, потом раздался сигнал. Мужчины, женщины, дети кинулись занимать участки, но кто-то выдал их полиции. Раздались выстрелы, они бросились на землю, на которой хотели выстроить свои дома,— кругом валялись вещи, кастрюли, одеяла. Кто-то сказал: «Что-то не слышно Эрминды. Что там с малышкой?» А мать ее ответила: «Ничего, она просто спит». Но Эрминда не спала — она была убита пулей. Компаньера Ана рассказывала эту историю, и слезы стояли в ее глазах. Поэтому они назвали свое поселение Эрминда де ла Виктория — в память об убитом ребенке.

Они пили чай, шипучку, у соседей вовсю орало радио, а Виктор все слушал рассказ о том, как рос квартал, как строили они свои дома, как боролись за питьевую воду, электричество... Главной песней альбома стала песня «Человек — творец», она была посвящена людям, способным выстоять вопреки всем бедам. Кончалась она словами: «А вот теперь таких, как мы, много».

Вскоре после этого к Виктору прибыла делегация от крупнейшей в стране крестьянской организации Конфедерасьон Ранкиль. Они попросили его написать песню об истории их организации, и в ноябре 1972 года, вскоре после того как закончилась забастовка владельцев грузового транспорта, Виктор отправился по приглашению крестьян на юг. Верхом на лошади он перебрался через горы и прибыл в далекую деревню Чилпако. У одного старика сохранилась запись речи, произнесенной крестьянским вожаком Хуаном Лейва Тапиа при организации первого крестьянского профсоюза в 1928 году: «Пойдем вперед, мапуче, жители Лонки-

Продолжение. Начало см. в № 3—10 за 1984 год.

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

мая, и новое солнце засияет над долиной снега и лесов, забудем ссоры и разногласия, которые землевладельцы насаждали среди нас, и создадим наш союз, нашу организацию, которая будет бороться за те права, которых нас лишили». В 1934 году крестьяне этого селения подняли восстание, которое полиция жестоко подавила. Крестьяне и Виктор поехали в узкое ущелье, где река Ранкиль сливается с могучей Био-Био, здесь были расстреляны вожди восставших; ему рассказали о женщине, которая прижимала к себе своего ребенка, защищая его от пуль, и вместе с ним упала в бурную реку.

Этот край населяли индейцы мапуче, и все вокруг — скалы, деревья, горные реки — были одухотворены их мифами и легендами. И эти легенды, и стихи, и напевы мапуче Виктор хотел включить в свой новый альбом.

Этой работе было суждено остаться неоконченной.

Там, в Ранкиле и Лонкимае, Виктор узнал, что семьи землевладельцев-убийц по-прежнему процветают и по-прежнему эксплуатируют крестьян: аграрная реформа их пока не коснулась. Их земли простирались до самой аргентинской границы, у них был собственный аэродром, через который поступало оружие для банд. Вернувшись в Сантьяго, Виктор рассказал обо всем в КОРА, Корпорации аграрной реформы. КОРА вынесла решение об экспроприации. Крестьяне пригласили Виктора на празднование этого события, он тогда, к сожалению, не смог поехать. Но он навсегда запомнился жителям тех краев как артист, который был человеком действия, революционером не на словах, а на деле.

Вряд ли где еще жители беднейших кварталов праздновали присуждение кому-то Нобелевской премии по литературе. Но именно так было в Чили, когда пришла весть о том, что лауреатом стал Пабло Неруда: сам поэт в это

время был послом республики во Франции и жил в Париже. Как мы потом узнали, у него врачи уже тогда обнаружили рак, и он вернулся на родину в конце ноября 1972 года. 5 декабря народ Чили устроил в его честь праздник на Национальном стадионе. Режиссерами этого праздника были Виктор и Патрисио.

Из каждой провинции прибывали делегации рабочих: горняки селитряных шахт пустыни Тарапака и медных рудников Аконкагуа, каменотесы из Кокимбо, моряки торгового флота из Вальпараисо, строители Сантьяго, виноделы Курико, текстильщики Консепсьона, рыбаки с острова Чилоэ, дояры из Осорно, пастухи Айсена и рабочие нефтяных промыслов из Мегеленнеса. В представлении участвовали и профессиональные артисты, но гораздо важнее было участие тех людей, среди которых жил Неруда и его поэзия. Как сказал сам Пабло Неруда, «поэтов, которые были награждены национальными премиями или даже Нобелевской премией, много, но вряд ли кому из них была оказана такая честь, высочайшая честь, корона, которую возложил на их голову рабочий народ всей страны».

Этому рождеству суждено было стать нашим последним семейным праздником. Когда гости разошлись и дети отправились в кровать, мы с Виктором сидели на улице и ждали, пока все уснут, чтобы разложить подарки. Я помню, как Виктор сказал: «Это решающий год, мамита. Кто знает, где мы будем встречать следующее рождество?»

И с того дня Виктор уже ни на минуту не знал передышки — так много нужно было сделать. Летние месяцы в Чили очень жаркие, раньше все уезжали в отпуска, и страна замирала, но в том, 1973 году летом шла активная работа — кампания по выборам в парламент. Оппозиция изо всех сил рвалась заполучить две трети голосов: тогда она могла потребовать отставки Альенде. Но Народное единство получило еще больше голосов, чем на президентских выборах,— случай в Чили беспрецедентный, еще никогда доселе правящая партия не приобретала новых голосов на промежуточных выборах. И тогда оппозиции стало ясно, что нечего и надеяться победить Альенде демократическим путем, так было принято решение о военном перевороте.

Угроза его существовала всегда. Мы видели начертанные на стенах буквы СОГД: они расшифровывались как «Система организованных гражданских действий» — так «Патриа и либертад» называла затеянную ею волну насилия.

Первой жертвой — дело было в мае — стал молодой строитель Роберто Ахумада. Он шел по Аламеде в мирной демонстрации протеста против насилия и правого терроризма. В него стреляли с крыши расположенной здесь штаб-квартиры христианско-демократической партии.

Виктор был потрясен. Он лично знал этого парня, знал его жену. Виктор написал песню «Когда я еду на работу». Он пел ее от лица Роберто Ахумады, и это была песня о любви и о предчувствии смерти. Она выражала чувства самого Виктора.

Когда я еду на работу,
я думаю о тебе,
я еду по улицам города
и думаю о тебе.
Когда я гляжу сквозь запотевшие окна
на лица людей,—
я не знаю, кто они, не знаю, куда они едут,—
я думаю о тебе,
компаньера жизни моей,
я думаю о будущем,
я думаю о горьких часах и о счастье
жить.
Это начало истории,
и, кто знает, каков будет конец.
И когда рабочий день окончен
и наступающий вечер
набрасывает тень
на крышу построенного нами дома,
когда я возвращаюсь с работы,
обсуждая с товарищами
наше время и нашу судьбу,
я думаю о тебе, моя любовь,
компаньера моей жизни и моего будущего.
А когда я прихожу домой, ты здесь,
и мы вместе начинаем ткать мечту,
и сны наши сплетаются в одну ткань...
Я работаю над началом нашей истории
и еще не знаю ее конца.

26 мая из своего дома на Исла Негра,— он удалился туда, потому что был уже совсем болен,— Неруда обратился ко всему народу в передаче, организованной Национальным телевидением. В прежней своей речи, произнесенной в декабре во время устроенного в его честь праздника, Неруда напомнил всем об ужасах, которые принес Испании фашистский мятеж, он говорил, что некоторые хотят втянуть и Чили в нечто подобное. «Мой поэтический, полити-

На снимках: Семейное фото — Виктор и Джоан с девочками. С л е в а   н а п р а в о: председатель Социалистической партии Карлос Альтамирано, Луис Корвалан и президент Альенде на манифестации. Настроение у всех отличное: несмотря на бойкот и террор реакции, парламентские выборы марта 1973 года показали, что популярность Народного единства растет — оно получило на семь процентов голосов больше, чем во время президентских выборов.

ческий и патриотический долг — предупредить вас о грозящей опасности»,— говорил он.

Теперь он призвал всех артистов, всех чилийских интеллигентов, интеллигенцию всего мира присоединиться к нему в стремлении убедить народ в том, что опасность фашистского переворота стала реальной.

На призыв Неруды откликнулись все. Были организованы выставки, созданы специальные телепрограммы; на площади Конституции состоялся культурный «марафон»: он длился несколько дней, в нем приняли участие сотни артистов, поэтов, театральных и танцевальных трупп, музыкантов, ансамблей. Виктор сделал серию передач для Национального телевидения, в них он использовал документальный материал о нацистской Германии и о гражданской войне в Испании, он соотносил эти документы с положением в Чили, заставляя людей осознать степень опасности.

Приближалась зима, жизнь становилась все труднее. Даже с хлебом было трудно, потому что октябрьская забастовка на транспорте повлияла и на урожай пшеницы.

Люди добровольно работали по выходным, рабочие оставались после окончания рабочего дня, студенты помогали на фабриках и в шахтах, на сборе урожая и при распределении продуктов. Когда руководство медного рудника Эль Теньенте объявило забастовку — ее инспирировали христианские демократы,— студенты и преподаватели Технического университета отправились на помощь рабочим. Виктор тоже ездил с ними несколько раз. Я помню, как однажды подбросила его к Техническому университету, и, пока ждали, когда придет автобус, разговорилась с двумя американцами. Они сказали, что тоже хотят поехать на шахту, помочь в работе и, может быть, спеть несколько песен, чтобы продемонстрировать свое неприятие политики США.

Этих американцев звали Фил Окс и Джерри Рубин [1]. Они весь день провели с Виктором в шахте, пели для рабочих, и, когда вечером вернулись в Сантьяго, Виктор повел их в «Пенью», где к американцам отнеслись очень тепло.

В это время в некоторых американских газетах стали появляться материалы о работе ЦРУ в Чили. Сложности внутри самого Народного единства росли: коммунисты и социалисты стремились достичь диалога с христианскими демократами, чтобы предотвратить угрозу гражданской войны; другие требовали прямой конфронтации, хотя неясно было, как безоружный народ сможет победить современную и хорошо вооруженную армию. А если бы правительство попыталось вооружить народ, это только ускорило бы военный переворот.

Оппозиция становилась все более и более агрессивной, в ответ крепло сопротивление народа. На фабриках, в университетах, школах, в правительственных учреждениях были организованы комитеты обороны, на нашем факультете ввели круглосуточное дежурство, Виктор тоже дежурил по ночам. И я с болью думала о том, что по мере углубления кризиса мы с Виктором стали видеться все реже и реже.

Виктору уже тогда несколько раз чудом удавалось спастись от банд «Патриа и либертад». Мне он ничего об этом не рассказывал, я узнавала такие истории случайно. Однажды полувоенные группировки Национальной партии устроили что-то вроде учения на улице перед факультетом. Полиция спокойно взирала на их бесчинства, но одна из студенток не выдержала и вылила на них с верхнего этажа ведро холодной воды. Они кинулись к дверям, намереваясь ворваться на факультет, в это время к зданию подходил Виктор. Они заорали: «Это Хара, хватай его!» Ребята, охранявшие вход, быстро открыли дверь и втянули Виктора внутрь. Такие инциденты стали обычными. Мы жили под крики на улицах, под звон бьющегося стекла, под взрывы гранат со слезоточивым газом, и запах газа проникал даже в аудитории, расположенные на седьмом этаже,— процесс дестабилизации шел полным ходом.

В конце июня Виктор выехал в Перу по приглашению Национального института культуры. Я проводила его на самолет, вернулась домой. Мне было страшновато оставаться одной, но в то же время я чувствовала облегчение: хоть две недели он побудет в безопасности. Я знала: если разразится кризис, Виктор непременно окажется в центре событий. Он писал об этой поездке: «После одного из концертов в Лиме ко мне подошел Хосе, рабочий парень... Он сказал: «Я бы хотел, чтобы вы пришли ко мне домой, познакомились с женой и детьми и со всеми нашими соседями...» Приглашение было таким прямым и искренним, что я не мог отказаться.

Мы сели в старенький микроавтобус. День был туманный и серый (как поется в старой песне)... Доехали до Коимаса, нового рабочего района, очень похожего на побласьон Хосе Мария Каро в Сантьяго. Дети играли в футбол. Было около четырех часов дня. Мы разговаривали, и между прочим он рассказал мне, что жители района сами провели сюда питьевую воду, электричество, построили детскую площадку. Мы взбирались все выше и выше по узким улочкам. Я остановился, огляделся, вдали видны были высокие здания центра, а кругом, на горах, лепились друг к другу крошечные домишки, будто грибы.

Нас встретила жена Хосе. Когда он сказал, кто я, она даже немного испугалась: оказывается, она только что слушала записи моих песен по радио, и представить себе не могла, как этот чилиец вдруг так сразу очутился у нее в доме. Кругом копошились дети, они показывали мне свои домашние задания, и мы с Хосе говорили о вещах, важных для всех нас: о доме, детях, Перу, Чили, революции, переменах и тому подобном... Потом они показали мне свой дом. Каждый квадратный сантиметр цемента, каждый кусочек дерева, каждый гвоздь в этом доме говорил о любви и тяжком труде мужчины и женщины. Домик был скромный, но его теплу и человечности могли позавидовать особняки.

Со мной такое случается не впервые. Иногда так бывает: кажется, будто я заблудился, что другие интересы отрывают, уводят меня от каждодневной жизни, от простоты... Но случается вот такое, и я снова нахожу свой путь. От этого я становлюсь сильнее, снова чувствую, что я делаю и как я это делаю, и знаю, что дело мое нужное...

Потом возле Куско я пел для крестьян. Они сидели в своих пончо, шляпах и ойотас, и я чувствовал, как от них ко мне идет какой-то ток, дух истории, веков. Одна за другой из этой почвы прорастали песни. Я рассказывал им о Чили, о юге, где живут индейцы арауканы, о земле, об аграрной реформе. Солнце стояло высоко, и было слышно, как шумит река. Было какое-то странное чувство, будто сдерживаешь готовые вот-вот пролиться слезы. Когда я закончил, ко мне подошел один из них, что-то сказал на языке индейцев кечуа и начал петь. Эта песня была древней, как высокие горы, и нежной, как журчание рек.

Песня словно лассо, которым мы можем соединить наши чувства или задушить их. Третьего не дано. Певцы, которые стремятся только к славе, которые только и знают, что извлекать выгоду из невинности и чистоты, никогда не поймут, что песня словно вода, что омывает камни, словно очищающий ветер, словно огонь, который нас объединяет, песня живет в людях, чтобы сделать их лучше...»

Через несколько дней после отъезда Виктора в Перу, 29 июня, военные попытались совершить переворот. Я уже пришла на работу, и вдруг мы услышали, что ко дворцу Монеда двигаются танки. Мы забаррикадировали двери и приготовились к осаде. Я, помню, думала: как хорошо, что среди танцоров есть мужчины, они же по ночам охраняли здание и готовились к обороне: какие глупые мысли, разве могли они, безоружные, защитить нас от военной атаки?

Позже мы узнали, что восстал всего один танковый полк под командованием генерала Роберто Соупера. Также стало известно, что военными был разработан гораздо более сложный план, но в последний момент решили отложить восстание, и только полк Соупера не получил этого распоряжения или же отказался его выполнять.

---

[1] *Фил Окс — известный американский певец, автор и исполнитель песен протеста («Ровесник» писал о нем в № 7 за 1977 год); Джерри Рубин — один из участников «чикагской семерки» — группы молодых радикалов, осужденных на разные сроки тюремного заключения за участие в демонстрациях протеста против войны во Вьетнаме.— Примеч. пер.*

Дворцовая гвардия подтвердила свою преданность президенту, а когда мятежный полк приблизился ко дворцу, главнокомандующий генерал Карлос Пратс вышел им навстречу. Он был вооружен только автоматом. Он приказал офицерам, командующим танками, сдаться. Увидев, что никто их не поддерживает, они подчинились приказу. Кризис миновал, но во время этой попытки переворота погибли двадцать два человека, в том числе шведский кинооператор — его камера продолжала работать, когда он уже падал, сраженный пулей офицера-бунтовщика. Пленку спасли, и потом ее показывали во всем мире.

Виктор узнал об этой попытке по радио. Ему удалось дозвониться до нас лишь на следующий день, и когда через пару недель он вернулся домой, то поклялся, что никогда больше нас не оставит...

Однажды за завтраком я из-за чего-то рассердилась на него, и Мануэла с Амандой стали на мою сторону. Это был женский заговор против единственного мужчины в доме. Кажется, произошло все из-за того, что Виктор заявил, будто это не его работа — поджаривать тосты, а мы все вцепились в него. И вдруг он сказал вроде как в шутку: «Вы скоро об этом пожалеете. Пользуйтесь, пользуйтесь мной, пока я с вами! А вам предстоит долго прожить без меня: до сорока я не дотяну». Мы рассмеялись, но я знала, что говорил он это вполне серьезно. Виктор был готов ко всему, но не был грустен или подавлен. В интервью, которое он дал в августе 1973 года, его спросили, какой он человек: робкий, смелый или страстный, и он ответил: «Я думаю, что я человек страстный, потому что я полон надежд. Смелый только тогда, когда страдаю от робости. Но, самое главное, я счастливый человек. Я счастлив жить в это время. Счастлив, потому что лихорадочно работаю. Счастлив, потому что, если человек отдает все свое сердце, разум и волю работе, которая служит людям, он чувствует счастье быть заново рожденным».

Доказательством никогда не покидавшего его чувства юмора и любви к шутке может служить то, что именно в это время он работал над альбомом шуточных, даже слегка солоноватых крестьянских песен. Виктор хотел дать людям возможность посмеяться: «Мы, чилийцы, по натуре очень веселые люди, с острым чувством юмора. И мы должны об этом помнить. К тому же я считаю, что, увлекшись музыкой Анд, музыкой севера, мы почти позабыли целый богатый фольклором район — юг Чили». Альбом должен был выйти в начале сентября. И хотя пластинки уже были тиражированы, они так никогда не дошли до прилавков.

После неудавшегося переворота (он стал называться «Танкасо») правые нацелили все свои усилия на армию. Они знали, что могут положиться на большинство офицеров. Но были и другие офицеры, «конституционалисты», и правые искали способы их устранить. Главным препятствием был главнокомандующий генерал Пратс. Теперь в борьбу против него включились жены некоторых высших армейских чинов. Они устраивали демонстрации возле его дома, размахивали белыми перьями, символом трусости. Как Пратс позже писал в своем дневнике, «под юбками жен сидели сами генералы». Его положение становилось все более нетвердым, и он не видел иного выхода, как подать в отставку.

В конце концов заговорщики решили спровоцировать прямое столкновение между армией и рабочими. Они стряхнули пыль со старого закона о контроле над оружием, почти забытой меры, принятой когда-то парламентом, и начали кампанию по «разоблачению тайных складов». Этот закон давал армейским и полицейским подразделениям «право» устраивать облавы без разрешения правительства, и правые воспользовались им для обысков в помещениях национализированных предприятий, в рабочих кварталах, госпиталях, университетах — везде, где были сторонники Народного единства. Склады оружия «Патриа и либертад» никто не тревожил.

Наш факультет тоже обыскивали вопреки почти что священному принципу университетской автономии: обычно полиция не могла даже войти на территорию университета без специального разрешения. Они так и не нашли здесь оружия, да и нечего было искать.

26 июля началась следующая забастовка частных предпринимателей. Теперь это была битва не на жизнь, а на смерть. Богачи с финансовой помощью многонациональных корпораций и при техническом содействии ЦРУ старались довести страну до полного краха.

Нам сказали, что стоит подумать над тем, куда мы с детьми могли бы уехать в случае экстремальной ситуации. Виктор должен был оставаться в городе. Я понимала, что, если начнется гражданская война, он будет сражаться, защищая революцию.

Нам предложили перебраться в Исла Негра — в маленький летний домик рядом с домом Неруды. И однажды мы отправились туда, чтобы подготовить все на случай переезда. Зимой здесь было очень пустынно, и мы могли надеяться, что здесь нас с Амандой и Мануэлой никто не узнает. Мы взяли запас инсулина для Аманды, немного еды... Это маленькое убежище осталось лишь мечтой, мы так и не смогли им воспользоваться. Но именно с Исла Негра связаны у Аманды самые живые воспоминания об отце.

Той зимой ей было восемь лет. Вечером в день нашего приезда Виктор предложил ей прогуляться вдоль берега. Огромное красное солнце медленно опускалось в Тихий океан. Они шли по узкой прибрежной тропинке, под ними были утесы, о которые с грохотом разбивались волны. Виктор шел впереди, на нем было длинное коричневое пончо, Аманда весело скакала сзади. Я видела, как они исчезают вдали. Тропинка, которая, казалось, не имеет конца, ветер и солнце, пространство и уединенность — Виктор написал об этом песню. Они шли, он сочинял музыку и слова и все время спрашивал у Аманды совета. Он принял некоторые из ее предложений, и она очень гордилась тем, что «помогла написать песню». Они распевали ее во все горло, возвращаться не хотелось, и солнце медленно садилось в океан.

А где-то там, в пустынном океане, уже шли военные корабли США: они шли к Вальпараисо, чтобы принять участи в совместных маневрах с чилийским военным флотом.

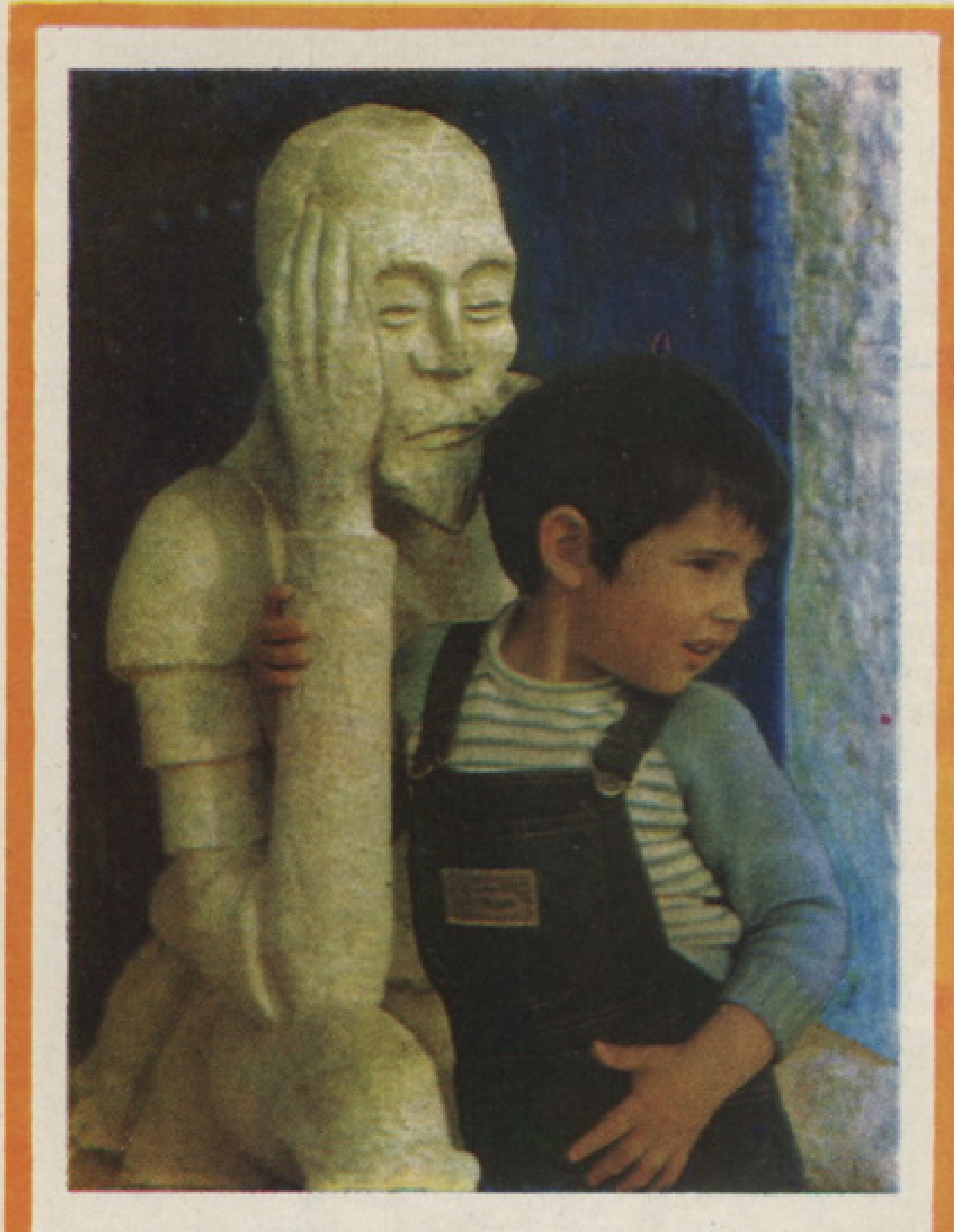
Песня «Исла Негра» пропала, потому что Виктор так ее и не записал. Но в те недели Виктор писал песню, которую он хотел успеть закончить: это была песня-манифест.

Я пою не потому, что люблю петь,
и не потому, что у меня хороший голос.
Я пою, потому что у моей гитары
есть и чувства и разум.
У нее сердце земли
и крылья голубки,
она как святая вода,
благословляющая радость и печаль.
Мои песни нашли смысл жизни,
как, бывало, говорила Виолета.
Гитара-трудяга,
которая пахнет весной.
Моя гитара не для богатых,
нет, ничего подобного.
Моя песня — это лестница,
которую мы строим, чтобы достичь звезд.
Потому что у песни есть смысл,
только когда она бьется в жилах
человека, который, умирая, поет,
правдиво поет свою песню.

Моя песня не нуждается в лести
и в международной славе,
она для моей узенькой страны,
до самых глубин ее земли.
Здесь, где все замирает
и все начинается снова,
песня, которая была смелой,
будет всегда новой.

Окончание следует

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

ДОН КИХОТ БЕЗ ОБИНЯКОВ. Говорят, что, вполне возможно, «Дон Кихота» Сервантеса скоро «сократят» из школьных программ Испании, поскольку существует мнение, что все это «донкихотство» абсолютно «не готовит детей к жизни». Некоторые заходят еще дальше, и уже говорят о том, что «Испания — это страна, где не читают Сервантеса». И в то же время пишут о том, что сейчас в работе находится программа, названная «Три Росинанта для Дон Кихота». Речь идет об одновременной постановке пьесы в театре, фильма и телефильма. Да и вообще нельзя забывать о том, что благородный идальго остается безусловно самым известным испанцем — не случайно изображение Рыцаря Печального Образа мелькает повсюду: в витринах магазинов, на вывесках трактиров и баров, на этикетках вин... Дело за малым, за тем, во что верил сам Сервантес: «История славного Дон Кихота Ламанчского дойдет до тебя (читатель) без обиняков...»

ЕЩЕ О ВОЙНЕ И МИРЕ. «9 июля 1924 года в лондонском Кэкстон-холле группа интеллектуалов основала Общество культурных связей с Советским Союзом. Они хотели «стимулировать интерес британской общественности к науке, просвещению, философии, искусству, литературе, социальной и экономической жизни Советской России». За пятьдесят лет общество, пережив «холодную войну», период разрядки, возвращение «холодной войны», достигло небывалого в своей истории успеха: растет число желающих посещать курсы русского языка, растет число желающих побывать в Советском Союзе, растет число зрителей советских фильмов»,— пишет английский журнал «Нью стэйтсмен». В чем же причина такого интереса к СССР? Англичане хотят понять, как относятся к проблемам войны и мира советские люди. И, как считает «Нью стэйтсмен», многие с понятным для сегодняшней Англии, где насаждается обстановка антисоветской истерии, удивлением узнают: советские люди хотят жить в мире.

ВОТ ВСЕ И РАЗЪЯСНИЛОСЬ! 22 июня 1633 года семидесятилетний Галилей на коленях выслушал приговор инквизиции о запрещении своей книги «Диалог», доказывающей движение Земли, и зачитал врученный ему текст отречения: «...каюсь, хулю и проклинаю вышеназванные заблуждения и ереси...» Но «Диалог»-то написан, и его не уничтожат никакие запреты. Открытие Галилея стало достоянием человечества, а его гонители, «святые отцы» церкви, несут пятно позора уже 350 лет. И они решили оправдаться. На II Ватиканском соборе было решено «дело» Галилея пересмотреть. Оказывается, виноват сам Галилей, он не сумел «четко и доступно» объяснить инквизиторам свое открытие. Теперь, с опозданием на 350 лет, церковь наконец поняла, в чем дело. Вот что значит было время спокойно все обдумать. А говорили: инквизиция, мракобесие...

МИР КУКОЛ. Перед вами две куклы: Повар, год рождения 1880-й, и Кашпарек (Петрушка), рождения 1930 года. Два экспоната из народного музея кукол в чехословацком городе Хрудим, известном своими ежегодными конкурсами самодеятельных театров марионеток. Сам музей совсем молод, его открыли в 1972 году, но мысль о его создании родилась 150 лет назад. В XIX веке любительские кукольные театры получили широкое распространение в чешских селах, они пробуждали самосознание народа, вносили свой вклад в его борьбу за освобождение от гнета австрийской монархии. Тогда-то энтузиасты и начали собирать эти образцы народного искусства. В последние годы музей, разместившийся в трех домах XVI века, великолепных архитектурных памятниках периода Ренессанса, пополнился работами народных умельцев всего света — от Японии до Латинской Америки и от Швеции до Экваториальной Африки.

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ БОИТСЯ высоких скоростей, нет лучше спорта, чем под парусом по льду. Экипировка простейшая: коньки, несложной конструкции парус да ветер. Скорости же позавидует любой пассажир городского транспорта — 80 километров в час, троллейбус, например, делает за это же время, даже не в часы «пик», 25 километров. Преимущества нового вида спорта особенно оценили в Венгрии, Финляндии, Швейцарии... Кто следующий? Назвали его зимний серф. Откуда он пришел — никто не знает. Возможно, страстные виндсерфингисты перенесли свое увлечение с морской глади на сушу.

НА ЭЛЕКТРОННОМ ПОВОДКЕ. Герой О. Генри, бездомный бродяга, в дождливые осенние ночи находил кров и тепло в тюрьме. На глазах у полицейского он разбивал какую-нибудь витрину — и ночлег обеспечен. Прошло почти сто лет, и родина О. Генри добилась впечатляющих успехов как по росту числа бездомных, так и числа настоящих преступников. Тюремное ведомство взмолилось: помогите, мест нет, все помещения переполнены. На помощь пришла фирма «Альбакерк», она предложила американским стражам порядка электронную новинку. В несколько модернизированные кандалы вмонтирован передатчик: если заключенный отойдет от дома дальше чем на 60 метров, на пульте в полицейском участке раздастся сигнал тревоги. Выгода для американского государства очевидная: не надо строить новых тюрем, и заключенные сами должны обеспечивать себе пропитание, не выходя из дома. Не решен только один вопрос: а что делать 4 миллионам бездомных?

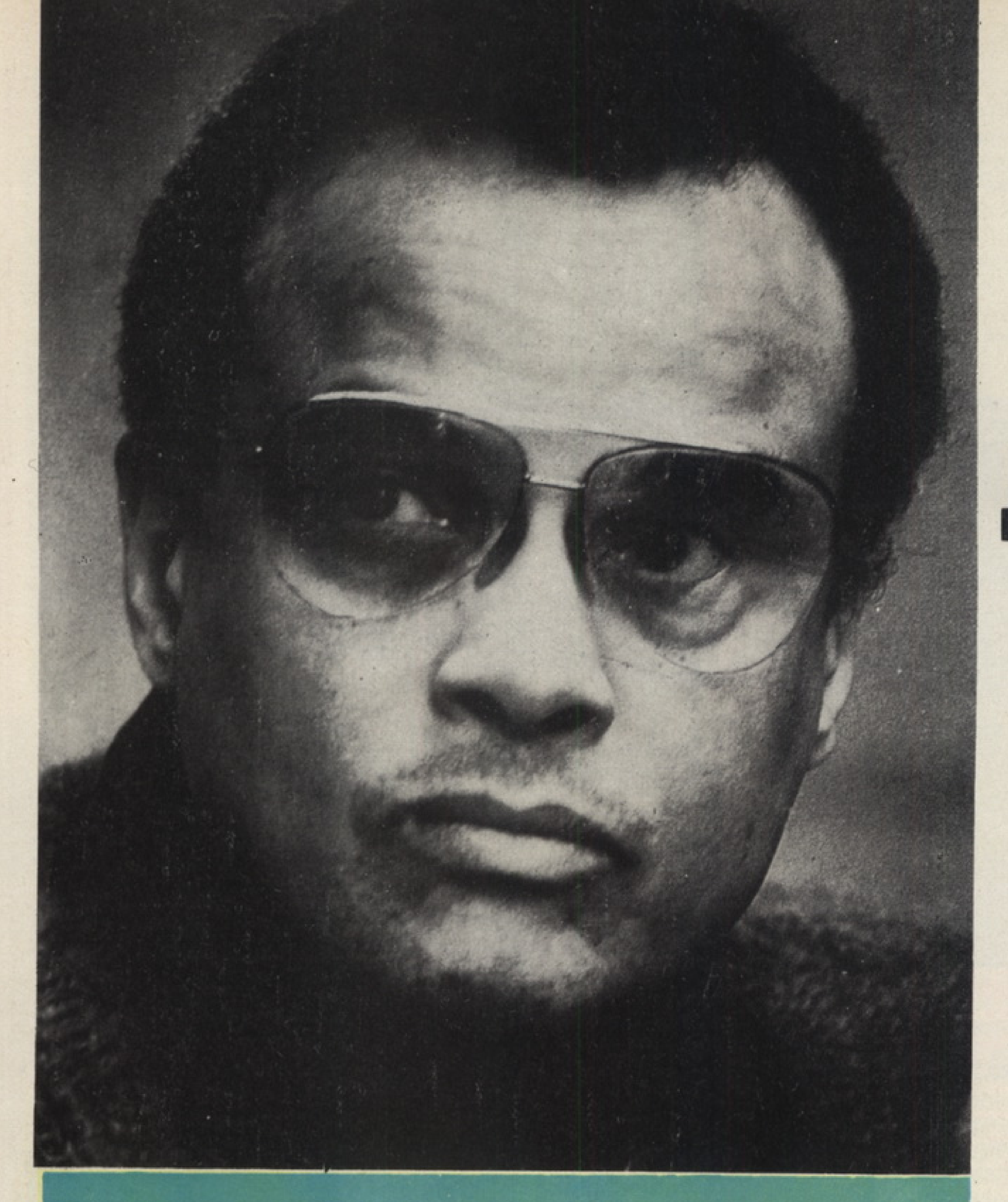

«Я СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА, потому что у меня два прекрасных сына»,— говорит Софи Лорен. В сентябре ей исполнилось 50, и она встретила свой юбилей на съемочной площадке. Вместе с младшим сыном, одиннадцатилетним Эдуардо, она снимается в фильме итальянского режиссера Маурицио Понци «Аврора».

— «Звезда»? Я никогда не понимала этого слова. Я выросла в бедной семье и привыкла смотреть на вещи конкретно. Главное для меня — это дети и моя работа. Эдуардо помешан на кино. Он пережил фантастический момент, когда его мечта — сниматься — стала реальностью. И я счастлива, что могу быть рядом с ним в этом первом для него фильме. Будет ли он актером? Об этом еще рано говорить.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ. «Актеры — счастливые люди,— заочно соглашается с Софи Лорен ее партнер по многим фильмам Марчелло Мастроянни.— Они проживают жизнь десятков людей. Как дети, они наслаждаются игрой, в игре выражают себя. Я считаю себя человеком, далеким от политики, но с экрана я участвовал в политических сражениях, да, именно сражениях. Возьмите фильмы «Развод по-итальянски», «Брак по-итальянски». Казалось бы, комедии, но и они участвовали в борьбе итальянцев против закона, запрещающего развод. Я люблю встречи со зрителями, но сейчас итальянское кино в кризисе, люди перестали ходить в кино, и я вернулся в театр, где я начинал больше тридцати лет назад. Да, мне шестьдесят, но я не чувствую своих лет, я по-прежнему люблю играть».

Белафонте, Гарри (род. 1 марта 1927 г.) — эстрадный певец, негр. Обучался в студии «Драма Уоркшоп». Начал выступать на эстраде в 1947 году. Завоевал популярность как актер, аранжировщик и исполнитель фолк-песен. Выпустил огромное количество пластинок, многие из которых стали «золотыми». Выступает также как актер.

Энциклопедия популярной музыки, Нью-Йорк, 1965 г.

Музыка США 50—60-х годов отличается большим разнообразием тенденций... Лучшие певцы — Г. Белафонте, Т. Беннет, М. Торм...

Большая советская энциклопедия, т. 24, с. 125.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Интервью с известным певцом и киноактером Гарри Белафонте и статья американского журналиста Лоуренса Мэлони продолжают серию материалов, опубликованных «Ровесником» в 1983—1984 годах под рубрикой «ВАШЕ МНЕНИЕ!». Редакция благодарит читателей, откликнувшихся на эти публикации, и просит предлагать темы для рубрики «Ваше мнение!» в 1985 году.

УСПЕХ: ответственность и опасность

Гарри БЕЛАФОНТЕ

Двадцать два года назад он произнес фразу, рассчитанную на публику. «Я самый популярный певец Америки». Он и позже мог бы повторять ее: громкий успех был с ним. Но не повторял. «Я скорее умру с голоду, чем соглашусь петь то, что требуют от меня фирмы грамзаписи!» Это промелькнуло в одном из интервью. Создавалось впечатление, что он сам покидает тот помост, с которого выкрикнул: «Я — самый...»

Он был приятно удивлен, когда на улице в Москве к нему за автографом подошел школьник: «Вы — Белафонте!»

«Я давно утратил ту популярность»,— сказал он нам с достоинством знаменитости. В течение нескольких дней он, гость Советского комитета защиты мира, занимался обсуждением участия музыкантов в борьбе за мир. «Сила, которой владеют артисты, должна быть направлена на борьбу»,— записывали журналисты его слова на пресс-конференции. Глава организации «Артисты за мир», он почти охрип от бесконечных переговоров, интервью. И не пел в те дни, кажется, совсем.

— Гарри, нас интересует ваше мнение об успехе. Молодые люди очень ценят успех, и многие изо всех сил стремятся к нему. Но кое-кто из них задается вопросом, насколько это нравственно. Другие считают, что только стремление прославиться может заставить человека сделать что-то стоящее.

— Успех — это тяжелая ответственность. В определенных обстоятельствах успех должен настораживать, а не привлекать! Внезапно вы оказываетесь собственностью публики, и уже не можете распоряжаться собой, потому что люди, аплодирующие вам, возлагают на вас огромные ожидания и требуют, именно требуют, чтобы вы неизменно оправдывали их. Они ждут, что вы будете их игрушкой, их свежими новостями. И вы, оказавшись в плену успеха, не можете обмануть их: вы всегда такой, каким вас хотят видеть,— весь нараспашку, и готовы отвечать на любые вопросы журналистов. А вы не всегда в состоянии отвечать, вы не можете, вы просто не желаете выставлять свою жизнь напоказ, или у вас просто нет своего мнения по каким-нибудь смешным или глупым вопросам! Вас оскорбляет публика, у которой, по всей видимости, нет своего мнения ни по важным, ни по глупым вопросам, и она просто питается вами и такими, как вы, кого усердно препарируют журналисты и от кого требуется все новый и новый успех, чтобы публика не заскучала. Нет, надо бояться успеха, надо бежать от успеха!

— Но ведь часто происходит наоборот: люди рвутся к успеху, а потерявшие даже мимолетный страдают, чувствуют себя незаслуженно обойденными.

— Да, успех — это наркотик. Человек

теряет чувство реальности, ему требуются все большие и большие дозы...

— С вами так было?

— Когда я начал становиться очень популярным, я заметил, что у меня уже нет личной жизни и что я не ощущаю себя больше равноправной частицей большого мира. Это меня очень обеспокоило. Угрозу я увидел в популярности, которая, однако, нравилась мне! И я понял, что мне надо следить за собой, сопротивляться.

— Значит, стремиться к успеху аморально?

— Аморально? Да, пожалуй, если... Здесь очень тонкая, но очень четкая грань: стремление к совершенству в избранной деятельности — такой путь к успеху это одно. Но если, работая как дьявол, до седьмого пота, вы работаете не на дело, а на успех — это очень опасно, потому что в такой работе нравственные издержки неизбежны. По сути, погоня за успехом — всегда предательство дела, которому вы уже и не служите, а на котором паразитируете. Я счастлив тем, что мое время дало мне возможность чувствовать независимость от успеха и в то же время стремиться к нему в избранном мною деле и в результате иметь настоящий успех! Я начал жизнь тогда, когда успех еще мог быть настоящим.

— Люди обычно хвалят «свое время», потому что это было «их время» — время их успеха. Проходит успех — они тоже обвиняют в этом время?

— Но «мое время» было и потом! Я продолжал работать и в плохие времена, зарабатывал популярность, порой даже большую... Просто «мое время» было исключительным: это было время духовного подъема Америки, это был взлет! Люди сплачивались в ненависти к реакции и фашизму, они верили в свои силы, и это обусловливало их взгляды на многое, в том числе и на успех. Успех был признаком (не больше) того, что свое дело ты делаешь хорошо. И именно изменение отношения к успеху стало показателем падения нравов. Началась подмена понятий, когда истинное было принесено в жертву фальшивому, а фальшивое, поддельное стало орудием против личности, искусства, истины и морали.

— Расскажите, как и отчего это произошло.

— ...Когда вспоминаю свои ранние годы, я думаю, что должен был бы считать себя очень несчастливым тогда. Несчастье — жить в нищете. Несчастье — жить потом в нью-йоркском гетто. И в то же время я помню ряд невероятных ощущений, которыми бывал полон настолько, что если не назвать это счастьем — как назвать тогда? С них и началась моя жизнь, и я вижу, что сила и достоинство моей матери давали мне радость. Человек без чувства собственного достоинства не может полно воспринимать мир и творить. Для меня в ранней юности мир был прекрасен, несмотря на наши несчастья! Я отчетливо помню, как низко стояли звезды над нашими островами и как они были велики. Я помню себя идущим по прибрежной полоске песчаного пляжа, слышу песни людей, выходящих в море... Несколько лет спустя — мне было восемнадцать с половиной лет — я впервые вошел в театр. Это был черный театр Нью-Йорка. Я не знал еще, что будет со мной, я не мечтал играть: я завороженно испытывал магию игры актеров — невероятное ощущение! И я могу сказать, что с него все началось. Невероятное ощущение — чтение Шона О'Кейси. О чем я мечтал? Успех? Думаю, что для меня и таких же, как я, едва вступивших в этот освещенный круг, это слово не было понятно. Я... мечтал произносить слова великих поэтов со сцены! Я силился сделаться равным этим словам. Я воображал, что только так я и смогу выразить то, что во мне накопилось, я любил театр, как... Впрочем, этой любви нет сравнения. Мальчишкой я играл в пьесе «Юнона и павлин» Шона О'Кейси, а в театр зашел Поль Робсон [1]. Этот гигант, эта легенда! Он зашел посмотреть на нас, мальчишек, что мы делаем. Так в мою жизнь вошел Учитель, и счастье работать с ним поддерживало меня долго, даже когда мы уже потеряли его...

— Вы хотели стать таким, как он?

— Я не хотел достичь его славы. Я хотел служить искусству так, как служил ему Поль Робсон. С какой печалью и с каким самоуважением нес он груз своей ответственности! Но то была не пошлая ответственность перед капризной и лицемерной публикой, то была ответственность перед людьми и временем, ответственность громадного таланта, деятеля, проповедника. И мы, ученики, стремились постичь искусство, стремились при помощи искусства узнать, что такое правда и истина. Лучшее в нас требовало развития и выражения, и это требовало сил, работы, самоотдачи. Других целей не было. Мы были совершенно захвачены этой погоней за... искусством!

— И вы нисколько не думали о публике?

— Нет, как же! Мы ведь работали для нее, на ее глазах, ежедневно в ней мы искали отзвук своим чувствам и мнениям. Конечно, мы не могли без публики — таково было наше дело, артистов.

— Как к вам пришел первый настоящий успех?

— Я так увлекся в своем преследовании искусства, я так рвался вперед... что люди стали мне аплодировать. Это они, а не я сам сделали меня знаменитым. Сам я этого не хотел. Вернее, не очень на этом настаивал. Не особенно думал. Но мы не были равнодушны к успеху. Когда нас принимали, когда о нас говорили, это означало, что мы поняты и что есть люди, которые думают так же, как мы. Успех для нас был критерием правильного выбора, точного приема в работе. Человек не обладает чувством истины в такой степени, чтобы постичь всю глубину ее самостоятельно. Необходима поддержка, взаимопонимание. И нас понимали, нас ждали, нас звали. Возможно, нам хотелось еще большего понимания, и для этого мы должны были напрягаться, работать и работать. Нас не мучили вопросы о нравственности успеха,— работая честно и вдохновенно, мы получали признание: нас слушали, мы были нужны, и с нами были равные нам — лучшие зрители и лучшие слушатели во все времена!

— Так что это было за время?

— О, это было время великой борьбы. Время великих песен — песен Вуди Гатри, Лидбелли, Пита Сигера [2]. Время великих фильмов, великих актеров, великих устремлений и великих учителей. Учителями нашего поколения были антифашисты. Многие из них бежали из Европы, спасаясь от Гитлера. Мой первый театральный учитель был Эрвин Пискатор — друг Брехта, основатель политического театра. Такие люди имели настоящую власть над искусством. И они не были дешевками. Все свое стремление действовать они вложили в свое дело. Они правильно решили, что должны стать учителями молодых. Они и Поль Робсон воспитали нас. Но мы — мы же не просто что-то знали о Франко и о Гитлере. Мы не просто слышали о республиканской Испании!.. Да, это время принадлежало ведь еще и Рузвельту — человеку, который боролся против Гитлера [1].

Давление на художников существовало и тогда. Но повторяю: необходимость отстаивать себя и свое искусство заставляла работать честнее и больше, а не вступать в сделку с ничтожествами! В честной работе легко забыть о публике, о ценителях и о том, больше ли тебе аплодируют, чем вчера. В воздухе царило... обещание. Обещанное воображалось совсем близко. И мы считали себя теми, кто должен многое переменить, выполнить обещание.

— И в это время успех распределялся справедливо и все, кто заслуживал его, получили успех?

— Идиллии не было и тогда, но что касается успеха — в этом было больше честности, хотя так продолжалось недолго. Уже в конце сороковых годов многое было раздавлено, сломано [2].

— С чего это началось?

— Лучшие книги были объявлены книгами красных. Великие художники попали в тюрьму. Другие были скомпрометированы...

— Это была атака на настоящий успех?

— Да, началось именно с успеха. Сначала были скомпрометированы личности, потом забыты идеи. Места тех, кого убрали с глаз публики, не пустовали. Внимание шумно привлекалось к новым дутым талантам. А настоящие, талантливые артисты были поставлены в такие условия, когда надо было продаваться, чтобы прожить. И художники, родившиеся стать великими, забыли о великом. Наверное, мы были последним поколением учившихся у Мастеров, у тех, кто высоко понимал ответственность, долг. Кто-то из нас потом «пробился», кто-то нет... Но это уже не имело ничего общего с подлинным успехом — спутником настоящего таланта, творца. Постоянное возвышение бездарностей действовало на моих товарищей угнетающе. Они теряли силы. К тому времени популярность сделалась непременным условием для продолжения работы, для существования в конце концов. Кто не имел бульварной популярности, бульварного успеха, не мог достигнуть и любого другого: пути были закрыты. Собственно говоря, успех был заменен дешевым суррогатом. Я не хочу сказать, что не осталось настоящих художников! Есть неподдавшиеся. Но они вынуждены работать в одиночестве, а это тяжело. Ведь в

[1] *Шон О'Кейси (1880—1964) — ирландский писатель, коммунист. «Юнона и павлин» — часть драматической трилогии о национально-освободительном движении в Ирландии 1910—1920 годов. Поль Робсон (1898—1976) — выдающийся певец, актер, общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».— Примеч. ред.*

[2] *Вуди Гатри, Пит Сигер — выдающиеся американские певцы и композиторы, создатели песен социального протеста; Х. Лидбелли — исполнитель традиционных негритянских блюзов и госпелов.*

[1] *Франклин Делано Рузвельт — президент США в 1933—1945 годах. После вступления США во вторую мировую войну Рузвельт внес крупный вклад в создание и укрепление антигитлеровской коалиции. Он высоко оценивал мужество и стойкость советского народа в борьбе с захватчиками и выступал убежденным сторонником сохранения и укрепления сотрудничества между СССР и США.*

[2] *В конце сороковых годов в США поднялась волна преследований за демократическую деятельность. По инициативе Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, руководимой сенатором Дж. Маккарти, были проведены судебные процессы над прогрессивными деятелями культуры — коммунистами, видными общественными деятелями и профсоюзными активистами.*

желании быть оцененным нет ничего плохого. Работать в полной тишине — для этого требуется много мужества... Соблазн лишь чуть-чуть подправить себя, чуть-чуть солгать велик. Искусством занялись фальсификаторы жизни. От искусства и от артистов уже не требовалось поисков правды, постижения жизни. Высокие понятия, высокие цели были заменены простым, дешевым и ярким суррогатом. И вот тогда-то воцарился успех как самоцель. Успех стал манией. Он стал смыслом и концом всего. Это страшная трагедия. Успех, желание успеха уничтожило в людях все, что может сделать человека лучше. С погони за успехом теперь начиналась жизнь. И вся уходила на преследование успеха...

— Как связаны успех, к которому стремятся люди, и обман, фальсификация жизни, о которой вы говорите? Зачем понадобилась подмена истинного ложью? И почему «успех во что бы то ни стало» вреден? Как бы ни был такой успех примитивен, человек ради достижения его все равно развивается, что-то создает, действует. Жажда успеха подстегивает, заставляет создавать что-то реальное: идеи, книги... Быть может, это лучше, чем ничего.

— Если сравнивать с «ничего», то действительно — это «лучше». Но насколько выше создание подлинного творца, не обремененного мелочной погоней за успехом, насколько важнее то, что он видит в жизни и в людях, насколько эффективнее это помогает жизни двигаться вперед. Приветствуя настоящего творца, общество берет на себя обязательство выслушивать его. Талант, гений видит мир лучше, яснее и судит о нем бескомпромиссно. Наше общество должно было бы приготовиться к неприятному диалогу. Следовательно, к переменам. Может быть, болезненным, суровым. Когда общество готово к переменам, оно выдвигает таланты. Когда оно панически боится перемен, оно уничтожает таланты, предает их забвению. Но надо еще заставить забыть о них публику, людей. Как это сделать, спросите вы. Да очень просто: нужно дать человеку нечто, что заставит его забыть о реальной жизни, а для этого надо приучить его жить придуманной жизнью. На это у нас, в Штатах, есть непревзойденные мастера!

Так были придуманы и внушены человеку нашего общества новые цели и новые представления о жизни. Между человеком и реальностью возникла стена. Была включена гигантская машина, задача которой заключалась в том, чтобы превратить людей в роботов.

— Вы говорили, что у вашего поколения были другие источники информации и другие источники надежды, и это определяло цену успеха в то время. Вы, ваши учителя ненавидели фашизм, а не просто что-то слышали о Гитлере, Муссолини, Франко. Какие источники информации у нынешнего поколения, по вашему мнению?

— Жизнь, кривляющаяся перед людьми, преподносится им большими шутниками, и эти шутники знают свое дело. Синтетическая жизнь неотличима от настоящей, во-первых, потому, что молодому поколению она и кажется настоящей, во-вторых, потому, что эта жизнь до предела заполнена суррогатом целей и дел, которые ему подбрасываются в изобилии, чтобы до отказа заполнить его время, чтобы у него не было времени для пристального взгляда на реальность, чтобы им полностью овладела мечта о добыче. Он хочет знать, как это делается, как это получилось у других. Ему внушили, что он рожден для удачи, и человек раздраженно готовится урвать ее. Большой популярностью пользуются, скажем, не серьезные картины, а телерассказы из жизни «обыкновенных семей», в которых кто-то все-таки достигает благополучия: люди готовы в героях узнать самих себя, хотя изображается голая схема, а не живые люди и не жизненные отношения. Люди готовы последовать за такими героями, их к этому подталкивают, используя самые изощренные приемы. Артисты эксплуатируются журналистами, чтобы схема выглядела новой и гарантировала надежность. Пусть все одеваются, как кумир, говорят, действуют! Об успехе не только твердят, его создают. Так взлетают, получают доступ к славе бездарности.

— Почему бездарности?

— Только потому, что истинный талант по природе своей стремится к познанию жизни, и он строптив, нервнен, неудобен, его трудно заставить говорить требуемое искренним тоном и талантливо сооружать что-то фальшивое. Сам талант в человеке— хрупкая вещь: желание успеха может погубить в человеке его талант. А посредственность — такая же фальшивка, как ее «успех» и ее «путь к успеху» — посредственность крепче. Они даже искренни, эти убогие люди, возвеличенные успехом: они уверены в своей избранности! И я мог бы рассказать истории несчастных судеб, которые не выполнили своего предназначения, потому что приняли за правду пошлую сказку об успехе и старательно добивались такого успеха. Они были убиты реальностью, потому что в них оставалась хотя бы капля живого таланта...

— Но люди, публика, все же не роботы. Они же видят, что их дурачат...

— Если приглядеться, подделку можно различить. Даже и мáстерскую, и не дешевую. Например, вы смотрите телевизионную передачу и слышите, что люди смеются, аплодируют на экране. Каждому ясно, что и этот смех, и эти аплодисменты вмонтированы! Смеются роботы. Но зритель не хочет этого замечать, потому что для него это хлопотно, это его отвлекало бы. И он начинает смеяться в указанном ему с экрана месте. Да, у человека много настоящих, непридуманных проблем. Но умеет ли он мучительно размышлять над своими проблемами? Нет, он только хочет, чтобы они моментально разрешились (это вариант все того же «успеха»!). Люди так давно потеряли почву под ногами и так давно несамостоятельны, что они ударятся в панику, если у них отнять подсказчиков. Чтобы понимать, чувствовать жизнь, необязательно быть талантом и гением, но обязательно читать Шекспира, Достоевского и слушать симфоническую музыку. У молодых людей сегодня нет этой привычки, следовательно, нет возможности понять. Это уже не леность души, а ее уродство. Нетренируемый мозг сопротивляется работе. Дурные мозги агрессивны. Великая трагедия наша состоит в том, что люди не только согласны видеть лишь демонстрируемую им сторону жизни, но они этого требуют! Они требуют готовых трактовок, решений, они согласятся с надуманными даже проблемами, лишь бы не анализировать собственные. Большинству не нужны тревожащие художники, их скорбь, их гнев, их великий юмор. Великое искусство никогда ничего не обещает человеку. Что значит блаженство познания жизни по сравнению с блаженством, приписываемым успеху,— успеху, который достигается исполнением простых действий. Несколько условий, несколько «если»...

— Назовите их.

— Ну, например... Если вы — Элвис Пресли и поете бессмысленные песенки. Если вы богаты. Если вы красивы. Если вы молодой человек, вечно молодой человек, всегда молодой человек, во что бы то ни стало молодой человек. Если вы постоянно подпрыгиваете на месте от распирающей вас готовности к успеху!

Какая-то химическая жизнеспособность — право на успех, демонстрируемое ежеминутно,— это стало всеобщим бредом, манией.

— А как живется вам? Вы избежали заражения?

— Всю жизнь меня держит в руках реальность. Я живу жизнью, в которой у человека появляются дети и внуки, в которой люди стареют, болеют, надеются... Я знаю, что в жизни главное. Это человеческая забота. Мои учителя укрепили меня. И сначала, когда я стал уклоняться от успеха, потому что он лишал меня ощущения собственной личности, я делал это ради самого себя. Но потом я нашел свою дорогу. Мне доставляет удовольствие петь вместе с Мириам Макеба песни, направленные против апартеида, это и мое дело в жизни. Когда мне аплодировали десятки тысяч людей или просто десятки людей, но потому что они понимали меня и мои песни, я чувствовал, что со мной все в порядке, что это настоящий успех. Я не предал своих учителей.

— А шумный успех, когда в вас видели только «звезду» и когда в глазах публики вы и были тем самым «молодым человеком» — разве этот успех вам ничего не дал? Вы отметаете его, вы забыли его?

— Этот успех дал мне возможность сосредоточиться на проблемах, которые должны меня волновать. И деньги — мои дети не знают лишений.

— Конечно, ведь они дети знаменитости!

— А вот в этом их большое несчастье. Потому что с рождения они «заявлены» на успех. Они обязаны участвовать в гонках. Быть непременно кем-нибудь. Хоть даже и «борцами за справедливость». Проклятие успеха! А я хочу, чтобы они сами узнали, что надо в жизни любить и что ненавидеть, чтобы у них был жизненный опыт, ведь Нью-Йорк — это такой странный большой город... это странный мир.

— Вы хотите, чтобы они были похожи на вас?

— Я не против того, чтобы они разобрались в жизни! Тогда они увидят то, что вижу я. Мне не нравится нищета. Мне не нравится расизм. Мне не нравится безработица. Мне не нравится, когда мне говорят, что раз я черный, я стою меньше, чем белый. Мне не нравится, когда мне это говорит нечерный. И эти «не нравится» не часть моего душевного комфорта (хорошо ощущать себя борцом!) — это часть моей личности. Это не пожелание, а ненависть. Если мои дети почувствуют то же, они обретут право на моменты настоящего счастья. В жизни, в которой мы живем, могут быть только моменты настоящего счастья...

— Что делает вас счастливым?

— Хорошая песня делает меня счастливым. Лицо моего внука Брайана делает меня счастливым. Слушание Прокофьева делает меня счастливым, госпелс и голос Робсона делают меня счастливым. Когда я пою для сотен тысяч людей в Гамбурге, я чувствую себя счастливым...

Но голодный ребенок делает меня очень несчастным.

Перед микрофоном нашего магнитофона сидел человек, почти охрипший за день. В конце этого дня, прямо перед нашей беседой, был устроен показ фильма — запись концерта в Гамбурге во время манифестации сторонников мира из многих стран Европы. И он был героем этого фильма. Он пел перед неисчислимой толпой, поднятый над ней помостом, весь в прожекторах. Сейчас, слушая себя, он прикрыл глаза. От усталости. Никто не заметил. Все смотрели на маленький экран. А мы заметили, потому что посмотрели на него, когда там он

пел и по лицам сотен тысяч скользили прожекторы. Мы хотели подсмотреть, как он будет реагировать на этот прекрасный успех, на этот большой прекрасный концерт в прошлом году, на настоящий свой успех. Он не реагировал. Закрыл глаза и уснул, как шофер в долгой дороге, на несколько мгновений, не выпуская руля. Экранчик накалился, как печка, от аплодисментов. Он спал. Мы увидели, что он немолодой. Концерт окончился. Он открыл глаза и хмыкнул. Там, в кадре, на земле сидела актриса, а сам он в свитере подавал ей металлическую миску с супом. Все участники концерта сидели где попало, цыганским табором или как бродячая труппа артистов, по опустевшей площади крутились бумажки, сор... «О, Гарри»,— сказала актриса. И был такой серенький счастливый денек, который не мог повториться, и оставалось мечтать о новом прекрасном концерте. «О, Гарри».

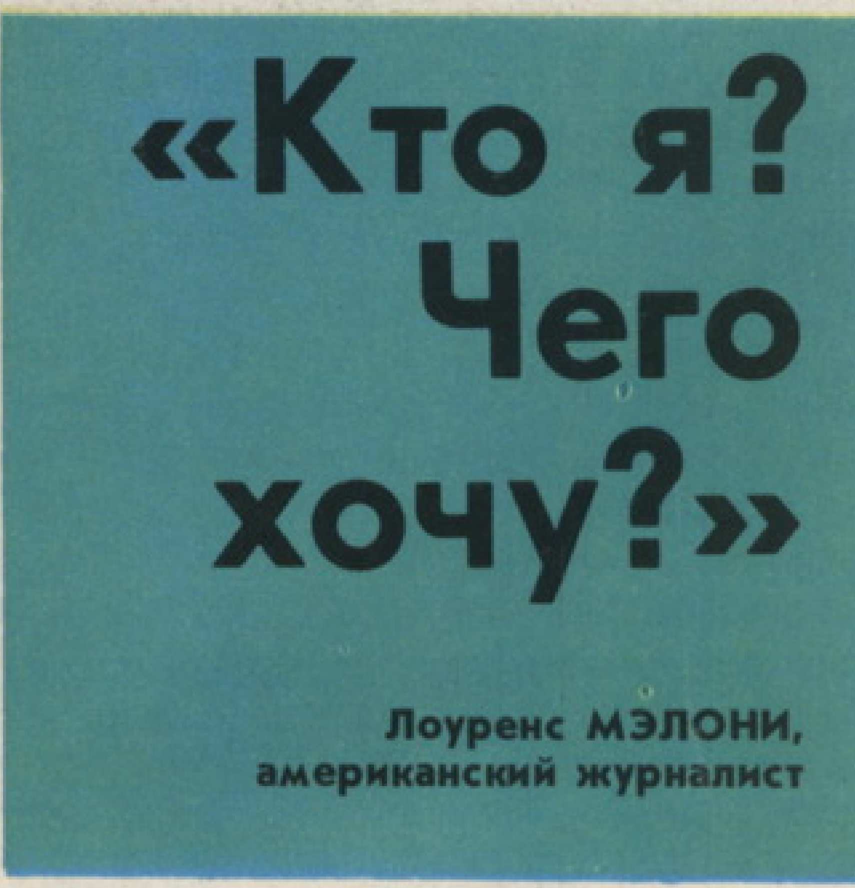
— Она была страшно беспомощна,— буркнул он нам, с удовольствием откликаясь на серенький денек в кадре.

Наверное, это было простое, родное и любимое им ощущение после концерта, после настоящей работы. И он откликался на него, как на звук, как на зов.

Он вышел на воздух и постоял на ступенях подъезда, оттягивая свитер у горла. Помахал руками, как на зарядке, собрался. Он шел от стеклянных дверей парадного подъезда к нам, а служитель тащил переносную розетку для магнитофона в холл — в зале было слишком накурено. Гарри Белафонте сказал нам, что тема беседы его интересует, и теперь выполнял обещание, хотя до поезда оставалось часа два. И наша беседа состоялась.

Он был очень высокий, красивый и молодой.

Беседу вели Н. ТУМАНСИНА и Н. НИКОЛАЕВА

«Кто я? Чего хочу?»

Лоуренс МЭЛОНИ, американский журналист

Кто достиг вершины? Как они попали туда? И какими способами? Такими вопросами задаются американцы, которые придают особое значение деньгам и общественному положению.

С каждым годом все больше людей одержимы желанием сделать карьеру. Два жестоких экономических спада, происшедших после 1980 года, усиливают всеобщую обеспокоенность. Родители усиленно натаскивают детей с самого раннего возраста и тратят тысячи долларов, чтобы поместить ребенка в частную школу, надеясь таким образом увеличить его шансы на успех в будущей жизни. Старшеклассники озабочены тем, как поступить в самый престижный университет, студенты отчаянно борются за оценки и возможность попасть на собеседование «к кому надо» по поводу возможной будущей работы.

Поступив на службу, те, кто находится в «хвосте», тревожатся, что им придется слишком долго ждать повышений и продвижений из-за колоссального «затора», образованного стоящими в этой очереди впереди них. Занимающие более высокие посты тоже не пребывают в довольстве и покое. Тысячи из них страстно желают заполучить те завидные должности, число которых сокращается компаниями, борющимися с «перегруженностью» белыми воротничками.

В этой атмосфере экономической нестабильности люди пытаются найти заветный рецепт, который помог бы им преуспеть в жизни. Таится ли секрет в том, чтобы поступить в престижный колледж, или же в том, чтобы модно выглядеть, уметь вести беседу, знать «нужных» людей, овладеть навыками пользования компьютером? Книги с заголовками типа «Как добиться успеха», «Как победить с помощью обмана и запугивания», «Как продвинуться по службе, получив психологическое преимущество над боссом и коллегами» стали соперничать по популярности с руководствами по похудению.

«Стремление к достижению всяческих материальных благ было не столь сильным, пока не ударил экономический спад,— говорит психолог из Кембриджа (штат Массачусетс) Гарри Левинсон.— Сейчас соперничество становится все более жестким, и оно усиливается, когда те, кто проигрывает, видят, как другие покупают роскошные машины, наращивают свой банковский счет, путешествуют за границей».

В том, что люди хотят продвинуться по работе или получить больший вес и влияние, добиться больших материальных благ, нет ничего плохого. Специалистов беспокоит другое: возникший недавно «роман» американцев с успехом. Когда погоня за успехом становится

единственной целью человека, это приводит к самым печальным последствиям: болезням, проблемам, связанным с продвижением по службе, разбиваются семьи, растут заброшенными дети.

«Никогда еще у американцев не было таким сильным стремление превзойти других. Большинство людей, возможно, не выбрало бы в качестве главной цели в жизни — выглядеть удачливым в глазах окружающих, если бы им предложили такую цель,— говорит доктор Поль Росч, президент Американского института по стрессам.— Но эти же люди постоянно борются за достижение этой цели, даже если для этого требуется «шагать по трупам» коллег или жертвовать своими истинными желаниями».

Как бы ни были тревожны эти прогнозы, многие задумываются о последствиях не в начале, а лишь в конце гонки за успехом. Пока же люди заняты страстными поисками дорожных указателей, которые привели бы их к желанному успеху.

Какие же вехи наметились на этом пути? Старая истина, чтобы суметь «пробиться» в любой профессии, необходимо иметь хорошую подготовку, сейчас дополняется еще и тем, насколько престижно избранное учебное заведение, ведь для того чтобы пробиться, надо сначала попасть в команду соревнующихся. Но довольно часто бывает и так, что недостаточно правильно выбрать команду: ряды соискателей очень плотны. Чтобы заявить о себе, приходится искать чего-то еще, что обеспечило бы некое преимущество во всеобщих гонках.

В этих поисках большое значение нередко приобретает внешность. «Нет никаких сомнений, что работодатели принимают решение почти в самом начале разговора с претендентом на то или иное место и что решение это часто основано на впечатлении от внешнего вида будущего работника»,— говорит один из служащих, занимающихся подбором кадров. Другой добавляет: «Владельцы фирм говорят нам: «Кандидатка на должность необязательно должна быть шикарной девицей, но не приводите нам толстух». Внешность, то, как человек излагает свою мысль, как он подает себя,— все это очень важно».

В результате заметно прибавилось работы представителям новой профессии — консультантам, учащим «подавать себя». Например, за последние полтора года в три раза увеличились доходы вашингтонского бизнесмена Бренда Йорка, который дает консультации по хорошим манерам и умению модно одеваться, а также проводит семинары на эту тему. Среди клиентов, которые платят ему 55 долларов в час или 400 долларов за полный курс, можно встретить правительственных служащих, военных, профессоров, деловых людей и агентов по продаже недвижимого имущества. «Вы не сможете продать дом стоимостью в 300 тысяч долларов, если выглядите так, будто живете в квартире стоимостью 20 тысяч,— говорит Йорк.— Чем лучше человек выглядит, тем больше внушает доверия».

Другие процветают, обучая ретивых администраторов искусству быть идеальным исполнителем. Психолог Чарльз Гарфилд, руководитель подобного учебного центра в Беркли (штат Калифорния), ведет семинары для 500 фирм объединения «Форчун», где он натаскивает претендентов, жаждущих добраться до высших ступенек служебной лестницы.

Эксперты также подчеркивают важность умения поддерживать отношения с людьми или, как они говорят, «плести сеть контактов». Социолог Марк Грановеттер, изучавший, каким образом люди получают те или иные должности, утверждает, что 80 процентов лиц, получающих высокую зарплату, поступили на работу с помощью своих друзей или коллег. Поэтому Грановеттер считает полезным вступать в клубы или профессиональные объединения, которые помогают расширять круг общения.

Ко всем этим факторам добавляется еще один необходимый элемент успеха — удача. Социолог Кристофер Дженкс, который много занимался причинами различий в доходах людей, считает, что величина доходов человека зависит от следующих обстоятельств: на одну треть от образования, происхождения и семейных связей. Еще одна треть приходится на такие «неосязаемые» свойства, как способность к лидерству и умение общаться. Остальное падает на удачу.

Как бы страстно ни жаждали люди добиться успеха, путь к его вершинам отнюдь не усыпан розами. Эти гонки опасны, так как могут породить у их участников зависть, горечь и непорядочность. Так, например, фирма «Фиделифэктс» занимается проверкой лояльности претендентов на различные должности. Ее президент Томас Нортон говорит, что в тридцати случаях из ста в итоге проверок выявляется, что кандидат на должность упоминает о степени магистра, которую на самом деле никогда не получал, или же заявляет, что работал в какой-то компании дольше, чем это было на самом деле, желая скрыть, что некоторое время был безработным, так как этот факт значительно снижает его шансы получить приличную должность.

В других случаях стремление во что бы то ни стало преуспеть вынуждает людей заниматься нелюбимой работой, и в конце концов они начинают ее ненавидеть. Психолог Ричард Биари из университета Беркли приводит в пример постоянный поток юристов, бухгалтеров, инженеров и врачей, которые желают посещать курсы, где даются рекомендации по урегулированию служебных проблем. Многие из них выбрали свою профессию, основываясь только на одном — она сулила им личную обеспеченность. Биари говорит: «Какой-нибудь журнал публикует список десяти самых перспективных сфер деятельности, и молодые люди бросаются туда. Но ведь прежде всего надо хорошо узнать самого себя, а затем решить, что тебе даст та или иная должность».

Психолог Дуглас Лабьер тоже имеет дело с разочаровавшимися карьеристами. После шести лет изучения проблем влияния служебного положения людей на их душевные переживания он решительно утверждает: «Половина из тех, кого близкие считают преуспевающими людьми, на самом деле несчастны и страдают неврозами».

Почему это так? Лабьер поясняет, что, если служащие хотят преуспеть, они вынуждены в значительной мере приспосабливаться к моральным критериям компаний, где они работают. Постоянные компромиссы со своей совестью, считает он, формируют в людях алчность, жажду власти, стремление подчинять своей воле других. При этом во многих случаях побудительными мотивами действий человека становятся не его собственные цели и желания, а признание и одобрение окружающих. В результате чувство собственного достоинства у человека становится все в большую зависимость от продвижения по службе. среди возможных печальных последствий — постоянная встревоженность, депрессия, чувство опустошенности, измученности. Некоторые ищут утешения в наркотиках и алкоголе.

Немало проблем возникает и тогда, когда всепоглощающее стремление к успеху приводит к пренебрежению женой (или мужем), детьми, занятиями, необходимыми для поддержания здоровья — такими, как спорт или отдых. «У большинства людей не находится времени, чтобы спросить себя: «Кто я? Чего я хочу?»

В конечном счете, по общему мнению специалистов, истинный жизненный успех определяется не громким титулом или зарплатой, исчисляющейся в шестизначных цифрах, а тем, приносит ли работа человеку — будь то рабочий или представитель «белых воротничков» — счастье.

Сокращенный перевод с английского С. ФЕДОРИНОЙ

Вы спрашивали
ИТАЛЬЯНЕЦ

Так уже повелось, что за именами эстрадных исполнителей имена пишущих для них композиторов и поэтов как-то теряются и известны лишь особо интересующейся публике. Хотите проверить себя? Так кто написал знаменитую «Чао, бамбино» (ее исполняет Мирей Матье)? Или «Бабье лето» — гвоздь программ Джо Дассена? А ведь многие, наверное, не раз напевали и насвистывали эти мелодии. Не будем долго мучить: их автор — Тото Кутуньо. Тот самый Тото Кутуньо, который ныне известен многим любителям итальянской песни как исполнитель: его неоднократно показывали по телевидению в программах «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Впрочем, тех, кто не смог правильно ответить на наш вопрос, должна утешить следующая информация: когда Тото Кутуньо впервые сам вышел на эстраду, о нем практически ничего не знали даже итальянские музыкальные критики — ну, неплохой певец, как объявлено, поет собственные песни, а что же было раньше? Неужто до тридцати семи лет, а Кутуньо стал известен как певец только в 1980 году, так ничем себя в этом деле и не проявил? И известие о том, что Кутуньо автор многих вещей, исполнявшихся самим Челентано, самим Дассеном и проч., было для критиков большим откровением.

Авторский дар Тото в доказательствах теперь не нуждался. А вот исполнительский... Привычнее такой ход: известный певец не удовлетворен тем, что предлагают ему композиторы или поэты, начинает писать сам, хорошо ли, не очень, но все уже находятся под обаянием его имени и голоса, так что успех обеспечен. «Обратный ход» — когда автор, не удовлетворенный исполнением своих произведений, идет к публике сам, довольно редок, и путь этот куда труднее.

Итак, Кутуньо как певец стал известен с 1980 года: на сан-ремовском фестивале он занял первое место, исполнив свою песню «Только мы». Сказав «стал известен», а не «популярен», мы не оговорились: тогда публика его по-настоящему не поняла. «Интересный, одаренный парень» — таково было общее мнение, не более. В последующие три года Кутуньо продолжает писать для других, время от времени появляется на сцене, но большинство и не собирается принимать его всерьез. Порой артисту казалось, что ему не удастся побороть упорство публики, приходили сомнения. Говорят, не сомневаются только гении, Кутуньо к таковым себя не причислял и продолжал кропотливо работать.

В 1983 году программа Сан-Ремо шла своим обычным путем. После очередного номера на сцену вышел конферансье и, профессионально улыбаясь, объявил: «Тото Кутуньо. «Итальяно». Осветители поменяли фильтры, по сцене забегали голубые пятна, появился Кутуньо. Один, без оркестра, начал: «Позвольте, я спою вам тихо-тихо под гитару...» Недолгая пауза, вступает оркестр. Певец приветствует жестом публику: «Привет тебе, Италия, жующая макароны, привет тебе со всем, что есть в тебе...» По залу прошел шорох удивления, и, как писала впоследствии пресса, у некоторых телезрителей во рту действительно застряли макароны.

«Позвольте мне петь, — продолжает Кутуньо, — я горжусь тем, что пою, я итальянец, настоящий итальянец...»

Песня закончилась. С минуту стоит тишина недоумения — таких песен этот зал не слышал уже давно. Взрыв аплодисментов — таких оваций эти стены тоже уже давно не слышали.

После этой песни и пресса и слушатели, казалось, нашли те слова, которыми они хотели бы определить место поэта, композитора и с недавних пор исполнителя своих произведений Тото Кутуньо на итальянской эстраде: «единственный настоящий итальянец». А как же Челентано? Вопрос вполне резонный. Но ведь львиную долю песен, которые поет Челентано, написал Кутуньо, так что противоречия здесь нет.

В середине 1983 года Кутуньо выпустил сольную долгоиграющую пластинку «Итальяно». Есть на этой пластинке песни о расставании, о грусти и горечи, есть песня «Музыка». Никаких «страстей в клочья», никакого «современного подхода к любви» — все чисто и просто, как было всегда и как всегда будет.

И вне эстрады Кутуньо человек достаточно нешумный. Он не любит давать интервью, избегает журналистов и хранит в секрете события своей частной жизни: «Перед вами мои песни, вот и судите о них, зачем вам знать, кто были мои родители и что я люблю есть на завтрак». (Сотрудникам телевидения пришлось приложить много усилий, чтобы добиться согласия Кутуньо на участие в престижной передаче «В воскресенье на...».)

Мы уже упоминали, что песни Кутуньо исполняет Мирей Матье, что они были в репертуаре Джо Дассена. Его произведения входят и в программы многих известных оркестров, например Поля Мориа и Джеймса Ласта. Как-то известный французский музыковед, побывав на конкурсе в Сан-Ремо, воскликнул: «Вы любите легкую музыку — это ваше право, она необходима, никто этого не оспаривает. Но не преподносите ее как нечто важное и значительное. Пишите о том, что рыбке нужен зонтик, или что-нибудь в этом роде, и не замахивайтесь, ради бога, на серьезные темы, не трогайте их...» Песни Кутуньо в какой-то мере и подтверждение и опровержение этого горестного замечания: браться за серьезную тему можно только в том случае, если это серьезное — не очередной трюк, чтобы ошеломить и привлечь публику.

В Италии Кутуньо считают незаурядным поэтом, отмечают серьезное социальное звучание его песен, их человечность, виртуозность, высокую культуру стиха. Отмечают и демократичность его произведений, которые с одинаковой любовью слушают и в дешевых пиццериях, и в музыкальных салонах.

Одна из рецензий на творчество Кутуньо заканчивалась таким диалогом иностранца с итальянским журналистом:

«— Если отбросить статистику проданных пластинок, — спрашивает иностранец, — как вы полагаете, кто из певцов больше нравится итальянцам?

— Так трудно ответить, — отвечает журналист, — в нашей стране еще силен дух регионализма... Неаполитанцам нравится Пеппино Гальярди, генуэзцам — Фабрицио де Андреа. Почти что всех пленяет хитрец Челентано.

— А Тото Кутуньо?

— Так вы же спросили, кто нравится! А к Кутуньо это слово не подходит: его любят! Любят и на севере, и на юге. Вы слышали его «Итальяно»?

— Конечно...

— Так вот, в ней он объединил всю страну».

А. МУДРОВ

К празднику молодости, дружбы и мира — XII Всемирному фестивалю в Москве готовятся юноши и девушки всей планеты, потому что его идеи, задачи и цели близки всем, кто по-настоящему заинтересован в светлом будущем молодого поколения. Многие пытаются найти образное выражение фестивальных идей, как, например, молодые кубинские художники, изобразившие нашу планету в виде алого сердца (рисунок слева).

ПЕСНИ ТЕХ, ФЕСТИВАЛЬНЫХ, ЛЕТ

1 января 1959 года кубинский народ сверг ненавистную тиранию Батисты, в Латинской Америке появилось первое государство рабочих и крестьян. Вскоре после революции на Кубе возникло песенное движение «Нуэва Трова», одним из зачинателей которого был поэт и композитор Пабло Миланес. Он автор публикуемой здесь «Песни о единстве народов Латинской Америки», в которой говорится: «Рождение нового мира задержалось на мгновение, такое короткое в сравнении с вечностью вселенной, но для человечества это мгновение было дистанцией тяжелых испытаний и борьбы. Те, из старого мира, испугались нашего примера, они пытались изолировать нас, но никто не в силах погасить свет революции...»

EL NACIMIENTO DE UN MUNDO

El nacimiento de un mundo
se aplazó por un momento;
un breve lapso del tiempo,
del universo un segundo.

Sin embargo parecia
que todo se iba a acabar
una distancia mortal
que separó nuestras vidas.

Realizaron la labor
de desunir nuestras manos
y a pesar de ser hermanos
nos miramos con temor.

Cuando pasaron los años
se acumularon rencores,
se olvidaron los amores,
parecíamos extraños.

Qué distancia tan sufrida,
qué mundo tan separado,
jamas se hubiera encontrado
sin acortar nuevas vidas.

Esclavo por una parte
servil criado por la otra,
es lo primero que nota
el último en desatarse.

Explotando esta misión
de verlo todo tan claro,
un dia se vio liberado
por esta Revolución.

Esto no fue buen ejemplo
para otros por liberar,
la nueva labor fue aislar
bloqueando toda experiencia.

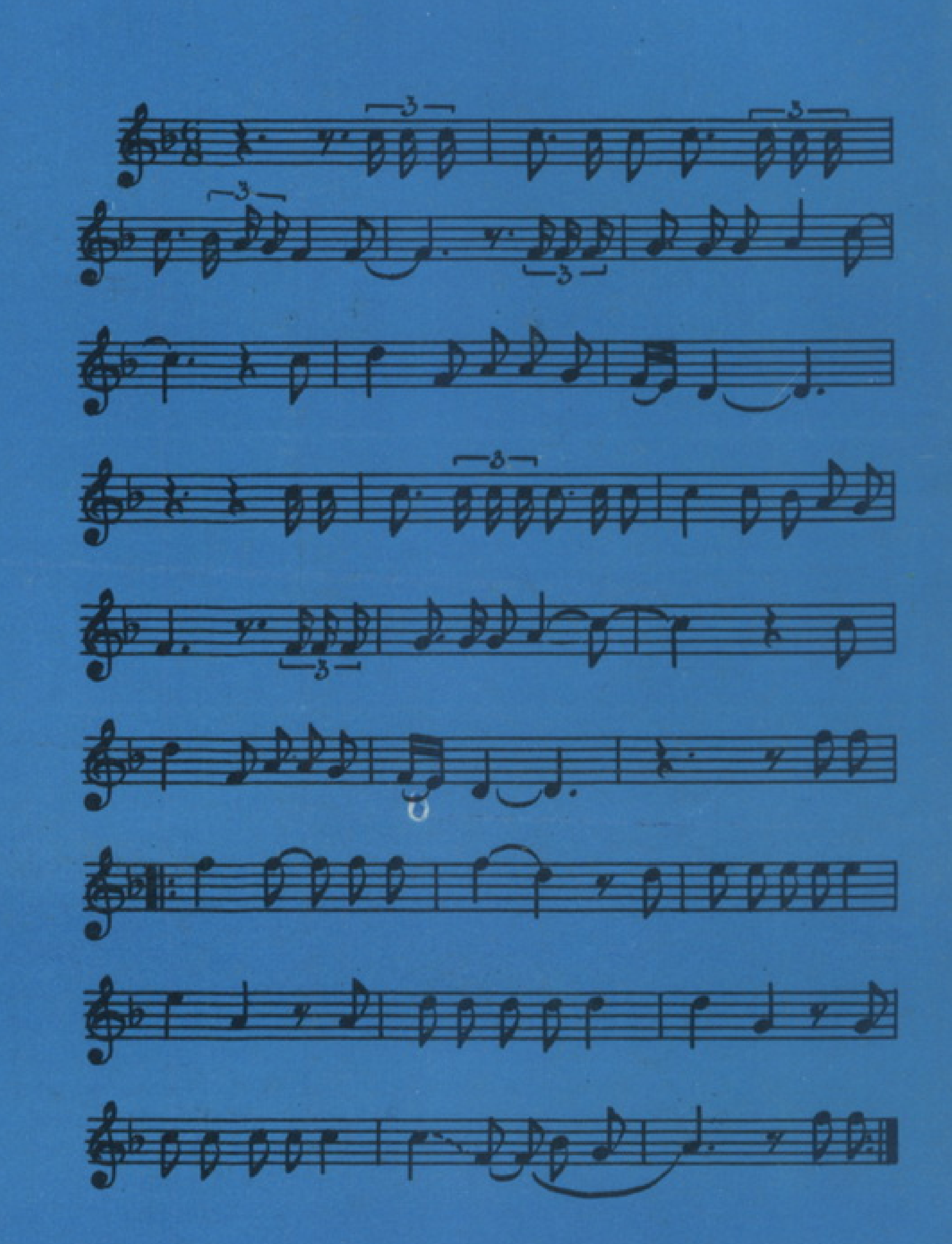
Lo que brilla con luz propia
nadie lo puede apagar,
su brillo puede alcanzar
la oscuridad de otras costas.

Qué pagará este pesar
del tiempo que se perdió,
de las vidas gue costó,
de las gue puede costar.

Lo pagará la unidad
de los pueblos en cuestión
y el que niegue esta razón
la historia condenará.

La historia lleva su carro
quea muchos los montará
por encima pasará
de aquel que quiera negarlo.

Bolívar lanzó una estrella
que junto a Martí brilló,
Fidel la dignificó
para andar por estas tierras.

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 12.09.84. Подп. к печ. 22. 10.84. А00856. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1659. Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.